

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-8-67
УДК 821.161.1

Почерк «Ады» К публикации глав из русского перевода романа Набокова

© 2020, А.А. Бабиков

Аннотация: Предлагаемый вниманию читателей материал представляет собой комментированный перевод на русский язык отрывка из первой части романа В.В. Набокова “Ada, or Ardor: A Family Chronicle” (1969). Материал состоит из предисловия переводчика, пяти глав романа, примечаний В.В. Набокова и комментариев переводчика. В предваряющей публикации статье очерчены творческо-биографические обстоятельства создания одного из самых значительных и спорных романов XX в., приведены источники его замысла, восходящего к английскому рассказу Набокова 1944 г., намечены проблемы дальнейшего рассмотрения его формальных особенностей. В статье обозначены основные принципы поэтики «Ады», выделяющие ее из ряда других произведений знаменитого мастера и новатора прозы и влияющие на ее читательское восприятие, в том числе нарочитая усложненность повествования, многообразие использованных Набоковым языковых средств. Автор статьи обращает внимание на то, что подзаголовок романа, указывающий на его принадлежность к жанру «семейной хроники», служит одним из элементов набоковской игровой поэтики, поскольку классическая традиция становится в «Аде» предметом пародирования. «Ада» рассматривается автором статьи как грандиозный компендиум европейской литературы нового и новейшего времени, как эксперимент по соединению многих разновидностей романа, от пасторальных и утопических романов XVI–XVII вв. до “Nouveau roman” 1950–1960-х гг. Новая русская версия самого непереводаемого романа Набокова создана с учетом находящихся в работе подробных комментариев Б. Бойда, работ А. Аппеля, Д. Циммера, одного из немецких переводчиков «Ады», и других исследователей, а также текста французского перевода романа, подготовленного при ближайшем участии Набокова. В статье и комментариях переводчика привлекается архивный материал, в частности обнаруженные им наброски нескольких глав русского перевода «Ады», выполненные В.Е. Набоковой.

Ключевые слова: В.В. Набоков, творческая биография, русский перевод англоязычных произведений В.В. Набокова, замысел «Ады», историко-литературный комментарий.

Информация об авторе: Андрей Александрович Бабилов, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, Москва, Россия. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Цитирование: *Бабилов А.А.* Почерк «Ады». К публикации глав из русского перевода романа Набокова // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 8–67. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-8-67

В мае 1969 г. вышел в свет шестой английский роман Владимира Набокова «Ада, или Отрада. Семейная хроника». Самая толстая и сложная его книга создавалась преимущественно в швейцарском отеле “Montreux Palace” с февраля 1966 по октябрь 1968 г., в один из самых благополучных периодов его жизни. Зерно будущего разветвленного романа обнаруживается в миниатюрном шедевре, написанном в Америке за двадцать пять лет до того рассказе «Быль и убыль» (“Time and Ebb”, 1944), в котором девяностолетний ученый в 2024 г. вспоминает свою жизнь в прошлом веке. Он между прочим рассказывает об открытии, изменившем и мир Антитерры, в котором развернется действие «Ады»: «Они то так, то этак забавлялись электричеством, не имея ни малейшего понятия о том, что это такое, — и не мудрено, что случайное открытие его настоящей природы явилось чудовищной неожиданностью (я в то время был уже взрослый человек и отлично помню, как старый профессор Эндрюс плакал навзрыд в толпе изумленных людей во дворе университета)»¹.

Там же, в Америке, в 1959 г., Набоков сделал первые наброски философского сочинения «Текстура времени», ставшего четвертой частью «Ады», и в том же году, незадолго до начала работы над «Бледным огнем» (1962), взялся за короткий эпистолярный роман «Письма на Терру» — о зоологе, который отправляется на неизвестную планету и пишет своей неверной возлюбленной, актрисе, странные, иносказательные письма². Претерпев коренную метаморфозу, замысел романа в письмах воплотился во второй части «Ады» в повесть Вана Вина «Письма с Терры». Оба сочинения, еще не связанные между собой, долгое время ждали нового импульса к про-

¹ *Набоков В.* Полное собрание рассказов / Сост., примеч. А. Бабилова. 3-е изд., уточн. СПб., 2016. С. 626. Перевод Г.А. Барабтарло.

² См.: *Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. Биография. СПб., 2010. С. 479.

должению; они так и могли бы остаться среди нереализованных замыслов Набокова, если бы в конце 1965 г., выверяя новую редакцию автобиографии “Speak, Memory” («Свидетельствуй, память»), он не нашел в форме писательских мемуаров ту универсальную повествовательную основу, которая позволила ему объединить философский и фантастический сюжеты в единое целое.

21 февраля 1966 г. он записал в дневнике:

Her name: Ada

ADA³

— и с этого времени структура нового большого романа окончательно сложилась в его голове.

В интервью для “New York Times” (апрель 1969 г.) Набоков изложил его сюжет следующим образом:

«Ада» представляет собой обширную и старомодную семейную хронику, длиною около 600 страниц. Детский роман между близкими родственниками Ваном Вином и Адой Вин в девственном уголке Новой Англии перерастает в пожизненную страсть с трагическими разлуками, безрассудными свиданиями и упоительным финалом на десятой декаде их космополитического существования.

Благородное и богатое семейство Винов — это ирландская фамилия — включает престранных родителей и трогательно прелестную сводную сестру Люсетту Вин. В их жилах течет ирландская и русская кровь — обычное дело в мире романа, в котором какая-то случайность в пространстве-времени позволила остаткам России счастливо раскинуться по большей части Канады под нашим звездно-полосатым флагом, оставив Европу «Юнион Джеку»⁴, а Татию — ее мрачным тайнам за позлащенным занавесом.

Решающая четвертая часть «Ады» целиком посвящена исследованию — ученому исследованию — текстуры времени, главным образом посредством метафор. Двое главных героев умирают. Точнее, они замирают или затихают — во введенной в саму книгу рекламной аннотации — с эффектом *perdendosi*, музыкальный термин, значение которого — затеряться, сойти на нет⁵.

³ Ее имя: Ада / АДА (The New York Public Library. W. Henry & A. Albert Berg Collection of English and American Literature. Vladimir Nabokov papers / Manuscript box / Diaries, 1943–1973).

⁴ Название государственного флага Великобритании.

⁵ Nabokov V. Interview with Alden Whitman for *New York Times* (1969) // Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and Letters to the Editor by Vladimir Nabokov / Ed. by B. Boyd and A. Tolstoy. New York, 2019. P. 373. Перевод мой.

«Семейная хроника» — главный труд знаменитого психиатра и философа Вана (Ивана) Вина (1870–1968?), написанный им в конце долгой жизни при участии его сестры и любовницы Ады (Аделаиды) Вин (1872–1968?) — ботаника, энтомолога и несостоявшейся актрисы. Несмотря на соблюдение требований жанра, воспроизведение семейной корреспонденции, восстановление хронологии событий, сообщение значимых дат и приложенное к книге генеалогическое древо, сочинение Вана имеет немного общего с традиционной семейной сагой, этой беллетризованной отраслью дворянских родовых записок и фамильных преданий, приправленных публицистикой, краеведением и бытовыми зарисовками. Если в нем и можно заметить отголоски «Семейной хроники» (1856) Аксакова, или «Семейной хроники князей Протозановых» (1874) Лескова, или «Пошехонской старины» (1889) Салтыкова-Щедрина, или «Будденброков» (1901) Томаса Манна, то они носят пародийный или номенклатурный характер. Его книга оказывается невиданной смесью изысканнейшей художественной прозы, поэзии, писем, дневниковых записей и ученых отступлений и в целом представляет собой сводку результатов поставленного им ментального эксперимента над природой времени и памяти. При этом автора скорее забавляет, чем удручает то обстоятельство, что необходимость проследживать тончайшие связи между удаленными во времени и пространстве событиями, обилие темных мест, умолчания, естественнонаучные экскурсы и противоестественные страсти, специальные термины, неологизмы, замысловатые дву- или трехязычные каламбуры, неаппетитные детали, неожиданные переходы от прошлого к настоящему, от первого лица к третьему, вторжения в повествование его сестры, ставящей под сомнение достоверность некоторых сведений, отвратят от его запутанной книги всех тех читателей, которых она могла бы привлечь пикантными подробностями, живописными сценами роскошного усадебного быта и захватывающими перипетиями в судьбах любвеобильных представителей блестящего общества.

В иной плоскости, но в том же смысле Набоков не мог не тешить себя мыслью, что «Ада» разочарует большинство рецензентов и литературоведов, всех тех, кто увидит в ней философско-эротическую безделку стареющего писателя-энциклопедиста или новые «Поиски утраченного времени» в призме «Улисса», если не «Поминок по Финнегану». Сам же он отводил «Аде» точно определенное место в мировой литературе, написав на форзаце своего экземпляра: «Гениальная книга — перл американской литературы», как в молодости сделал надпись на экзем-

пляре «Госпожи Бовари»: “*Livre génial — la perle de la littérature française*”⁶. «Ада», которая начинается перевернутой сентенцией из «Анны Карениной», а кончается пространной рекламной аннотацией, против всяких правил помещенной в саму книгу⁷, написана без оглядки на модные течения и господствующие взгляды, она была и остается вне закона и конкурса, и ее попадание в список бестселлеров 1969 г. (наряду с «Крестным отцом», «Недугом Портного» и «Любовной машиной») — не более чем курьез и выдающееся достижение рекламного отдела издательства.

Как за сто лет до того другой перл американской словесности, «Моби Дик, или Белый кит» Мелвилла, который начинается этимологической справкой и учеными выписками и с которым у «Ады» немало общего, набоковский *magnum opus* не был принят и понят современниками. Не зная, с какого боку к нему подступиться, и не в силах противостоять великой иллюзии мастерски созданного мира, заставлявшей видеть в монструозном Ване Вине жутковатое отражение самого В.В., влиятельные критики (среди которых был и такой тонкий читатель, как Джон Апдайк, комплиментарно упомянутый в романе) не скрывали своего недовольства, а журнальные рецензенты — своего отвращения. И совсем немного среди них было тех, кто, прочитав «Аду» до конца, не мог не воскликнуть вслед за профессором Лагоссом: “*Quel livre, mon Dieu, mon Dieu!*”

Благодатная форма хроники, обнимающая целое столетие, множество персонажей, несколько стран и широкий круг научных занятий героев, позволила Набокову вместить в нее значительно больше, чем в любой другой его роман, и свести воедино обе линии его двуязычного творчества. В апреле 1969 г., получив сигнальный экземпляр книги, он написал редактору “McGraw-Hill” Фрэнку Тейлору: «В какое негодование привела бы Толстого моя “Ада”!» и признался, что «страшно истощен» ею⁸. А спустя несколько дней после выхода книги в Америке, он написал на тетрадном листке:

⁶ Boyd B. “Ada” // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / Ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 3.

⁷ См. русский перевод: *Бабиков А. Прочтение Набокова. Изыскания и материалы.* СПб., 2019. С. 593–594.

⁸ *Nabokov V. Selected Letters. 1940–1977* / Ed. D. Nabokov and M.J. Brucoli. San Diego et al., 1989. P. 445.

Столь пусть. Ужасна пустота
Литературного поста!

12-V-69⁹

В письме от 28 февраля 1969 г. к одному из пионеров набокоедения Семену Карлинскому Нина Берберова, читавшая в то время набокровский курс в американских университетах, поделилась своим мнением о новом удивительном романе (еще не вышедшем, но посланном ей издательством “McGraw-Hill” в расчете на рецензию): «Прочитала АДУ Набокова (она была мне прислана в верстке). Совершенно гениально и может быть абсолютно ненужно. Но это, как сказал Оскар Уайльд, как раз то, что нужно искусству»¹⁰. Два года спустя она развила свою мысль:

Три проблемы я считаю наиболее важными и, конечно, наиболее трудными: вопрос игры слов, вопрос заимствований (или влияний) — сознательных или бессознательных — и вопрос пародий. <...> Вторая проблема — заимствований (и в самом широком смысле слова!), или иначе — освобождение от традиций XIX века, <—> очень важна. Тут нельзя упускать из виду «Аду», потому что (как я считаю) в «Аде» нанесен русскому реалистическому (да и не только русскому) роману *сoup de grâces*¹¹. Возвращения к нему не может быть — по крайней мере сто лет¹².

Действительно, в «Аде» подверглась радикальному пересмотру сама идея достоверного отражения эпохи и судеб героев. Однако удар по реалистическому роману Набоков нанес его собственными средствами. Проштудировавший для своего английского перевода «Евгения Онегина» (1964), снабженного колоссальным комментарием, сотни произведений европейской литературы XVII–XIX вв., он подхватил и переосмыслил основательно забытые приемы и темы романа пасторального, социально-бытового, эпистолярного, романа воспитания, французских дворянских романов рококо с их камерностью и утонченной эротикой, отдал дань всем основным составляющим классического повествования: обстоятельным картинам

⁹ Harvard University. Houghton Library / Vladimir Nabokov papers. Box 12, folder 207.

¹⁰ Beinecke Rare Book and Manuscript Library / Nina Berberova papers. Box 11, folder 276.

¹¹ Смертельный удар (которым добивают умирающего из жалости).

¹² Письмо к С.А. Карлинскому от 20 апреля 1971 г. Цит. по: *Бабиков А.* Прочтение Набокова. С. 502.

природы и нравов, дорожным впечатлениям, светской и застольной беседе, рассуждениям об искусстве и обществе, байроническому разочарованию, конфликту отцов и детей, отношениям господ с прислугой и домашними учителями, поэтичным описаниям детских чувств и юношеского томления, напоминающим стиль «Вильгельма Мейстера» Гёте, «Аталы» и «Рене» Шатобриана, «Мэнсфилд-парка» Остин и автобиографической трилогии Льва Толстого. «Аду» можно рассматривать как роман философский, любовный, усадебный, нравоописательный, научно-фантастический, модернистский, психологический, аллегорический, семейный, автобиографический, *Künstlerroman*, *campus novel* и как антироман, продолжающий смелые формальные поиски «Бледного огня». В этом отношении хроника Набокова оказывается грандиозным компендиумом европейской литературы нового и новейшего времени, в котором, однако, привычному, традиционному (первая любовь, супружеская неверность, путешествия в экзотические страны, месть, дуэль, шантаж, сомнения и духовные поиски героя) противопоставляется фантастическая фабула и необыкновенно усложненная манера изложения, ее пародийный характер, постоянная авторефлексия, крайняя литературоцентричность и металогичность (например, настойчивые указания Вана о посмертном характере своего существования после отъезда из Ардиса и разлуки с Адой), опрокидывающие любые онтологические основания «реалистического» повествования. «В книге реальность человека, предмета или обстоятельств, — писал Набоков в лекциях о Джейн Остин, — зависят исключительно от мира, который создан именно в этой книге. Самобытный автор всегда создает самобытный мир, и если персонаж или действие отвечают структуре этого мира, нас приятно потрясает художественная правда, сколь бы персонаж или явление ни казались неправдоподобными при перемещении в то, что рецензенты, бедные поденщики, именуют “реальной жизнью”»¹³.

Уклончивая игра слов, стремление выразить трудновыразимое, переформулировать сказанное ранее, нащупать самый подвижный позвонок используемого термина, передать едва заметной сменой интонации движение души, след мелькнувшего воспоминания — всё это средства раскрытия в «Аде» внутреннего мира героев и, в конце концов, самой реальности в (возможном) истинном, а не условно-литературном значении слова.

Перевод такой книги на русский и любой другой язык сопряжен, разумеется, с немалым риском. Французская версия «Ады» (“*Ada*

¹³ *Nabokov V. Lectures on Literature / Ed. F. Bowers. New York & London, 1982. P. 10.* Перевод мой.

ou l'Ardeur»), подготовленная при участии автора, отняла у двух переводчиков пять лет и довела одного из них до нервного срыва. В их распоряжении, впрочем, не было обширной современной набоковианы, подготовленной Дитером Циммером географической и хронологической карты романа, подробных комментариев к «Аде», которые с начала 1990-х гг. и по настоящее время составляет лучший знаток и биограф Набокова новозеландский ученый Брайан Бойд и в которых раскрыты сотни загадок и разъяснены многие темные места книги. Пользуясь постоянно пополняемым путеводителем Бойда, как и его обстоятельным исследованием «“Ада” Набокова: место сознания» (1985, русский перевод вышел в 2012 г.), а также имея волшебную возможность обсудить с ним ту или иную преграду в «Аде» *hic et nunc*, русский переводчик чувствует себя в значительно менее отчаянном положении, чем итальянские (“Ada o ardore”), немецкие (“Ada oder Das Verlangen”) или испанские (“Ada o el ardor”) смельчаки 70-х гг.

Другим подспорьем служит русская версия «Лолиты», которая была окончена четой Набоковых осенью 1965 г., перед самым началом работы над «Адой». Синхрония двух текстов — неоценимый подарок providения: разбирая слог русской «Лолиты», способы передачи игры слов, имен собственных, литературных реминисценций, специальных терминов и проч., можно составить себе вполне определенное представление о том, как сам автор мог бы переводить «Аду» по-русски.

И такая задача, несмотря на то, что практически невозможно передать по-русски — с сохранением и музыки, и смысла — уже само омофоничное название романа, не казалась Набокову неразрешимой, к чему есть два документальных свидетельства.

В английском письме к Глебу Струве от 21 апреля 1975 г. он сообщил:

Всю трудовую зиму я правил французский *traduction intégrale*¹⁴ — со всем его внутренним убранством — моей «Ады», который теперь окончен и выйдет 30 мая. В прошлом году Ровольт и команда его переводчиков несколько раз приезжали к нам в Монтрё на еженедельные сессии, посвященные *их* переводу «Ады», которая хорошо принята в Западной Германии. Я теперь подумываю перевести «Аду» на русский, не на совжаргон и не на *солжурнальные* штампы [not sovjargon and not soljournalese], но на романтический и точный

¹⁴ Полный перевод.

русский язык, и если я не сыщу покладистого помощника, сделаю всю работу сам, как пушкинский Мисаил¹⁵.

Незавершенные проекты и нездоровье уже не позволили Набокову приняться за эту работу, однако на серьезность его намерений указывает то обстоятельство, что после его смерти Вера Набокова сделала пробный перевод нескольких страниц романа (отрывки из глав 1–2 и 20–21 первой части), стремясь по возможности максимально точно передать оригинал, при этом минимально отклоняясь от его тона и ритма. Эти архивные наброски карандашом и чернилами на разлинованных карточках, использованные нами скорее как камертон, чем партитура, стали нашим третьим, после комментариев Бойда и русской «Лолиты», настольным пособием, приблизившим, как мы надеемся, наш перевод к авторскому представлению о том романтическом и точном русском языке, который ему подходит.

Осенью 2018 г., по просьбе покойного Геннадия Барабтарло, бравшегося в 1980-х гг. за перевод «Ады» (этот проект не был воплощен по причинам, которые Г.Б. изложил в предисловии к своему переводу «Севастьяна Найта»), я подготовил для русского издания его книги “*Insomniac Dreams*” («Я/сновидение Набокова») перевод нескольких фрагментов из «Ады» и всю четвертую главу второй части, посвященную снам; он был тогда уже очень слаб, но, как и в случае моего перевода набоковских «Арлекинов», с обычным своим остроумием и вниманием к деталям дал мне несколько ценных советов, касавшихся не только частностей, но и всей архитектуры этой роскошной анфилады.

Для настоящей публикации мы выбрали пять глав (Ч. I, гл. 17–21) из нашего перевода «Ады», объединенных темой ардисовской библиотеки. Перевод выполнен по изданию: *Nabokov V. Novels 1969–1974* / Ed. V. Boyd. New York: The Library of America, 1996.

Выражаю признательность г-ну Эндрю Вайли и членам коллегии “*The Vladimir Nabokov Literary Foundation*” за возможность предложить вниманию читателей отрывок из романа Набокова.

¹⁵ Hoover Institution Archives / Gleb Struve papers. Box 108, folder 18 (перевод мой). Набоков, по-видимому, имел в виду не бродягу-чернеца Мисаила из «Бориса Годунова», а старца Пимена и его знаменитый монолог: «Еще одно, последнее сказанье — / И летопись окончена моя, / Исполнен долг, завещанный от Бога / Мне, грешному. Недаром многих лет / Свидетелем Господь меня поставил / И книжному искусству вразумил <...>».

Владимир Набоков

Ада, или Отрада
Семейная хроника*Перевел с английского и снабдил примечаниями Андрей Бабиков*

Часть I

17

Самый большой из имеющихся в библиотеке английских словарей толкует значение слова «lip» (губа) следующим образом: «Either of a pair of fleshy folds surrounding an orifice» (Любая из двух мясистых складок, окружающая отверстие).

Милльишй Эмиль, как Ада звала мосье Литтре, определял так: «Partie extérieure et charnue qui forme le contour de la bouche... Les deux bords d'une plaie simple (выходит, мы говорим нашими ранами, из раны рождается наше потомство) ...C'est le membre qui lèche». *Милльишй* Эмиль!

Толстый русский энциклопедический словарь карманного формата признавал губу исключительно в значении окружного суда древней Ляски или как арктический морской залив.

Их губы были необъяснимо схожи по линиям, цвету и самой ткани. У Вана верхняя губа формой напоминала летящую прямо на вас длиннокрылую морскую птицу, а нижняя, полная и сердитая, придавала его обычному выражению толику брутальности. От этой брутальности в губах Ады не оставалось и следа: верхняя, напоминавшая формой лук, и нижняя, крупная, презрительно-выдающаяся, бледно-розовая, были копией Вановых уст в женском ключе.

В поцелуйную стадию (не слишком полезные для здоровья две недели долгих неловких объятий) некая странно-чопорная ширма отделила наших детей от, если можно так выразиться, их собственных раздраженных тел. Как стук замурованного, прикосновения и отклики на прикосновения оставались по ту сторону препятствия. Бесконечно, неуклонно, трепетно, дразня ее воспаленную алость, Ван проводил своими губами по ее, так и эдак, вправо, влево, жизнь,

смерть, наслаждаясь контрастом между воздушной нежностью наружной идилии и непристойным обилием скрытой внутри мягкости.

Бывали и другие поцелуи. «Я хочу вкусить твой рот изнутри, — сказал он. — Боже, как бы я хотел стать крошечным Гулливером и обследовать эту пещеру!»

«Могу предложить тебе свой язык», сказала она и предложила.

Крупная, вареная, еще горячая клубника. Он втягивал ее настолько глубоко, насколько она только могла втянуться. Он прижимал Аду к себе и впитывал ее нёбо. Их подбородки были совершенно мокрыми. «Платок», сказала она и запросто сунула руку в карман его штанов, но тут же выдернула ее, предоставив ему самому извлечь его. Комментариев не последовало.

(«Я оценил твой такт», сказал он, когда они с изумлением и благоговением вспоминали то упоение и муки. «Но мы потеряли уйму времени — невозвратимых, утраченных опалов».)

Он изучал ее лицо. Нос, щеки, подбородок — всё обладало такой мягкостью очертаний (ретроспективно вызывавшей в памяти кипсеки, и картинные шляпы, и страшно дорогих молоденьких кокоток в Уиклоу), которая могла бы напомнить иному сентиментальному дыхателю белый плюмаж тростника, этого немыслящего человека — *pascaltrezza*, — как бы обрамлявшего ее профиль, в то время как более детский и чувствительный перст мог бы полюбить, и полюбил, ощупывать этот нос, щеки, подбородок. Реминисценции, как Рембрандт, темноваты, но праздничны. Те, кого вспоминают, принаряжаются к случаю и усаживаются, замерев. Память — это фотоателье *de luxe* на бесконечной авеню Пятой Власти. Лента черного бархата, которой она в тот день (день ментального снимка) подвязала волосы, особенно выделялась на шелке виска и меловой линии пробора. Волосы ровным и длинным покровом лежали на шее, их поток разделяло плечо, так что матовая белизна ее шеи открывалась между струй черной бронзы в исполненном изящества треугольнике.

Подчеркнув небольшую вздернутость ее носа, превратишь его в носик Люсетты; сгладишь его книзу — в нос самоеда. У сестер передние зубы были чуть крупноватыми, а нижние губы слишком полными для идеальной красоты мраморной смерти; а поскольку их носы часто бывали заложены, обе девочки (особенно позднее, в пятнадцать и двенадцать лет соответственно) казались в профиль немного сонными и удивленными. Матовая белизна Адиной кожи (в двенадцать, шестнадцать, двадцать, тридцать три и т.д.) была несравнимо более редким дивом, чем Люсеттин золотистый тон (в

восемь, двенадцать, шестнадцать, двадцать пять, а здесь — точка). Чистая, долгая линия горла у каждой из них, передававшаяся им от Марины, дразнила чувства неведомыми и несказанными обещаниями (коих мать не сдержала).

Глаза. Темно-карие глаза Ады. Что, вообще говоря, такое глаза (спрашивает Ада)? Два отверстия в маске жизни. Что (спрашивает она) значат они для существа с другой корпускулы или млечного пузыря, у которого орган зрения, скажем, это внутренний паразит, напоминающий по своей форме написанное от руки слово «око»? Что, в самом деле, могла бы значить пара прекрасных (человечьих, лемурьих, совиных) глаз для того, кто обнаружил бы их лежащими на сиденье такси? И всё же мне придется описать твои. Радужка: темно-карего цвета с янтарными крупцами или спицами, расположенными вокруг серьезного зрачка по круговой шкале циферблата идентичных часовых значений. Веки: *въ складочку*, что рифмуется с ее именем в уменьшительно-ласкательной форме и винительном падеже. Разрез глаз: томный. Та жирная сводня в Уиклоу, кошмарной ночью, когда хлестал черный ледяной дождь, в самый трагичный и почти смертельно опасный момент моей жизни (Вану теперь, хвала небу, уже девяносто лет — рукою Ады), особенно, помнится, напирала на «миндалевидный разрез глаз» своей жалкой и драгоценной внучки. О, как же я выискивал, с какой неотвязной тоской, следы и приметы моей незабвенной душеньки во всех борделях мира!

Он сделал открытие: ее руки (забудем о состоянии ее ногтей). Гибкость и чувствительность запястий, трогательное изящество суставчиков, вызывающих безудержное преклонение, туман на-вернувшихся слез, горе неразрешимого обожания. Он трогал ее кисть, как умирающий доктор. В скорбном помрачении он ерошил параллельные ряды штриховки нежнейшего пушка, оттенявшего предплечья брюнеточки. Он вновь обращался к суставчикам. Пальцы, умоляю.

«Я сентиментальна, — сказала она. — Могу анатомировать коалу, но не ее детеныша. Мне нравятся слова: *damosel* (дева), *eglantine* (роза эглантиерия), *elegant* (изысканный). Мне нравится, когда ты целуешь мои удлиненные белые ладони».

На тыльной стороне ее левой руки имелась такая же маленькая шоколадная родинка, которой была отмечена его правая рука. Нисколько не сомневаюсь, сказала Ада — или неискренне, или легкомысленно, — что она происходит от родимого пятнышка, удаленного Мариной хирургическим способом с этого самого места много лет

тому назад, когда она была влюблена в одного хама, ворчавшего, что оно напоминает клопа.

С холма, на котором и происходил этот разговор, в особенно тихие часы таких полудней можно было слышать предтуннельное «ту-ту» двухчасового поезда, спешащего в Тулузу.

«Хам — слишком крепко сказано», заметил Ван.

«Я ласково».

«Даже если так. Боюсь, я знаю, о ком ты. Ума у него больше, чем души, это правда».

Ладонь просящей подающей цыганочки, куда он смотрит на нее, исчезает в ладони подающего, просящего долгой жизни. (Когда еще кинематографисты достигнут уровня, которого достигли *мы*?) Часто моргая в ярком зеленом свете под сенью березы, Ада объяснила своему пылкому хироманту, что беловатые кружки у нее на ладонях, которые она разделяла с тургеневской Катей, еще одной невинной девицей, в Калифорнии зовутся «вальсами» («поскольку сеньорита пропляшет до утра»).

В день своего двенадцатилетия, 21 июля 1884 г., показав недюжинную силу воли (так двадцать лет спустя она бросит курить), Ада прекратила грызть ногти (но только на руках). Правда, мы могли бы составить список кое-каких поблажек, которые она себе позволяла, как, например, блаженное впадение в восхитительный грех на Рождество, когда *Culex chateaubriandi* Brown уже не носятся в воздухе. Новое и окончательное решение было принято в канун Нового Года, после того, как м-ль Ларивьер пригрозила бедняжке Аде вымазать кончики ее пальцев французской горчицей, привязав к ним зеленые, желтые, оранжевые, красные, розовые шапочки (желтый указательный — это *trouville*).

Вскоре после именинного пикника, когда целованье рук маленькой возлюбленной превратилось для Вана в разновидность нежной одержимости, ее ногти, хотя всё еще квадратные по форме, окрепли довольно, чтобы справляться с мучительным зудом, донимавшим местных детишек в середине лета.

В последнюю неделю июля в этих краях с дьявольской неизбежностью появлялись самки шатобриановых москитов. Шатобриан (Шарль) был не первым человеком, которого они искушали, но он первым поймал обидчицу и с возгласами мстительного торжества препроводил ее к профессору Брауну, который и составил свое, опрометчиво-попешное «Первичное Описание»: «маленькие черные щупальца... прозрачные крылья... при определенном освещении — желтоватые... подлежат истреблению, дабы иметь возможность держать окна от-

крытыми (напечатано *kasements*, а не *casements* (окна) — немецкий наборщик!)...», «Бостонский Энтомолог», август, быстрая работа, 1840 г. Этот Шатобриан не приходился родственником великому поэту и мемуаристу, родившемуся между Парижем и Танье (а лучше бы приходился, сказала Ада, любившая скрещивать орхидеи).

Mon enfant, ma soeur,
 Songe à l'épaisseur
 Du grand chêne à Tagne;
 Songe à la montagne,
 Songe à la douceur —

— расчесывая коготками или ногтями участки, посещенные этими мохнатоногими насекомыми, отличавшимися ненасытной и неразборчивой жаждой по части Адиной и Арделиной, Люсеттиной и Люсилиной (размноженных зудом) крови.

«Кровопийцы» налетали столь же внезапно, как и исчезали. Они садились на хорошенькие голые руки и ноги беззвучно, не жужжа, в подобии *resueilli* молчания, отчего — по контрасту — внезапное проникновение их совершенно злодейских хоботков вызывало впечатление вдруг грянувшего полкового оркестра. Через пять минут после нападения, в закатных сумерках между ступенькой крыльца и оглушенным цикадами садом вспыхивало жгучее раздражение, которое сильные и хладнокровные люди игнорировали (зная, что нужно потерпеть не больше часу), но которое людей падких, обожаемых, слабых неудержимо побуждало чесать, чесать, чесать до отвала (говоря языком кухмистерских). «Сладко!» — восклицал бывало Пушкин, уязвленный другим, юконским видом. Всю неделю после ее дня рождения с незадачливых ногтей Ады не сходили гранатовые пятна, и после особенно сладострастного припадка чесотки кровь буквально струилась по ее голеням — зрелище и жутковатое, думалось ее встревоженному поклоннику, и в то же время чем-то постыдно привлекательное, — ибо кто же мы, как не гости и первооткрыватели в этой странной вселенной, именно, именно.

Белая кожа девочки, такая на взгляд Вана призывно-нежная, такая легко-уязвимая для иглы этой твари, была на самом деле столь же прочной, что и отрез самаркандского атласа, и выдерживала любые попытки Ады освежевать себя, сколько бы она (с потемневшими глазами, подернутыми как бы дымкой эротического упоения, подмеченной Ваном уже во время их неумеренных поцелуев, с приоткрытыми губами и блестящими от слюны крупными зубами) ни скребла всеми

пятью пальцами розовые бугорки с ядом редкого насекомого — поскольку он *в самом деле* редок и весьма примечателен, этот комар (описанный, не совсем в один день, двумя сердитыми стариками, второго тоже звали Браун — Braun, — филладельфийский диптерист, намного более толковый, чем бостонский профессор). Необыкновенным, восторженным был облик моей зазнобы, когда она пыталась утолить похоть своей драгоценной кожи, оставляя сперва жемчужные, а затем рубиновые полосы вдоль обворожительной ножки, на миг достигая, наконец, одурманивающего блаженства, в которое, будто в вакуум, с новой силой устремлялся лютый зуд.

«Послушай, детка, — сказал Ван, — если ты не прекратишь на счет три, я раскрою этот перочинный нож (берет нож) и полосну себя по ноге, чтобы она стала, как у тебя. Ах, умоляю, да обкусывай ты свои ногти! Всё лучше, чем это».

Быть может оттого, что жизненные соки Вана были слишком горькими — даже в те благодатные дни, — шатобрианов комар никогда его особенно не донимал. А ныне он, кажется, встречается всё реже, и потому что климат сделался прохладнее, и вследствие идиотского осушения чарующе богатых ладорских болот, как и топей, раскинувшихся в окрестностях Калуги (Коннектикут) и Лугано (Пенсильвания). (Небольшая популяция, только самочки, упившиеся кровью своего счастливого поимщика, недавно была отловлена, как мне сказали, в удаленных от названных городов местах, в каких-то секретных ареалах. Примечание Ады.)

18

Не только в глуховатые преклонные годы, которые Ван называл временем «изумленного маразма», но даже еще больше в пору их юности (лето 1888) они находили ученое удовольствие в том, чтобы воссоздавать начальный этап (лето 1884) своей любви, эволюцию ее откровений, капризные расхождения в обрывочной хронике. Она сберегла лишь несколько — главным образом ботанических и энтомологических — страниц своего дневника, поскольку, перечитав его, нашла его тон жеманным и фальшивым. Он целиком уничтожил свой из-за неуклюжего школьного слога, сочетавшегося с легкомысленным и искусственным цинизмом. И потому им оставалось полагаться на устную традицию, на совместную правку общих воспоминаний. «А ты помнишь, *and do you remember, et te souviens-tu*» (с неизменно подразумеваемой кодеттой этого «а», вводящего ту бусину, которую надлежало нанизать на нить разорванного ожерелья) — стало для них, в их увлеченных беседах,

неизменным зачином каждой второй фразы. Обсуждались календарные даты, исследовалась и пересматривалась цепочка событий, сопоставлялись запавшие в душу моменты, горячо разбирались те или иные сомнения и решения. Если их воспоминания порой не совпадали, виной тому была скорее разность полов, чем характеров. Обоих умиляла наивность и неловкость юности, обоих печалила мудрость времени. Ада склонна была рассматривать те начальные стадии как исключительно последовательный и всесторонний рост, быть может, неестественный, быть может, уникальный, но в целом чарующий своим мягким развитием, уберегшим их от грубых порывов и душевных травм. Память же Вана никак не могла избыть те особенные эпизоды, которые на веки вечные были отмечены острыми, саднящими, а иногда и достойными сожаления телесными ощущениями. Ада жила с мыслью, что ненасытное наслаждение, открывшееся ей вдруг, Ван пережил вместе с ней одновременно, после нескольких недель накопления их первых ласк; свои начальные физиологические отклики на эти ласки она застенчиво отвергала как относящиеся к детским забавам, которым она предавалась и раньше и которые не имели ничего общего с торжеством и жаром индивидуального счастья. Ван, напротив, не только мог бы свести в таблицу все свои неудобосказуемые спазмы (когда, где и как), которые ему приходилось скрывать от Ады, пока они не стали любовниками, но и подчеркивал философские и нравственные различия между сокрушительной силой само-надругательства и ошеломляющей нежностью выраженной и разделенной любви.

В воспоминаниях о наших прошлых «я» всегда имеется та маленькая фигура с длинной тенью, которая стоит, как неуверенный опоздавший гость, на освещенном пороге в дальнем конце безусловно, с точки зрения перспективы, сужающегося коридора. Ада виделась себе беспризорной девочкой с удивленными глазами и букетом забрызганных грязью цветов; Ван представлял себя гадким молодым сатиром на неуклюжих копытцах и с сомнительной свирелью. «Но мне было только двенадцать!» — восклицала бывало Ада, когда припоминалась какая-нибудь непристойная подробность. «А мне шел пятнадцатый год», печально отвечал Ван.

А помнит ли юная леди, спрашивал он, метафорически извлекая из кармана кое-какие записки, тот самый первый раз, когда она догадалась, что ее застенчивый юный «кузен» (их официальная степень родства) испытывает физическое возбуждение в ее присутствии, пусть даже благопристойно укрытый слоями льна и фланели и не прикасающийся к юной леди?

Откровенно говоря, нет, сказала она, не помнит, да и не может этого помнить, поскольку в одиннадцать лет, несмотря на все попытки подобрать ключ к шкафу, в котором Волтер Даниэль Вин держал том «Яп. и инд. эрот. гравюр», как отлично было видно сквозь стеклянную дверцу (Ван мигом отыскал ключик, он висел на шнурке с тыльной стороны сандрика, которым был украшен шкаф), она всё еще имела довольно смутные представления о том, как происходит спаривание у людей. Она была очень наблюдательна, разумеется, и хорошо изучила различных насекомых *in corpora*, но в обсуждаемый период недвусмысленные образчики млекопитающей мужественности редко попадались ей на глаза и находились вне всякой связи с каким-либо понятием или возможностью половой функции (как, например, тот случай в ее первой школе, в 1883 году, когда она созерцала такой мягонький с виду бежевый клювик сынишки негра-привратника, забегавшего иногда помочиться в уборную для девочек).

Два других явления, которые она наблюдала еще раньше, привели к забавным заблуждениям. Ей было, должно быть, около девяти, когда в Ардис зачастил один пожилой господин, знаменитый художник, имя которого она не хочет и не может назвать. Ее учительница рисования, мисс Винтергрин, перевозила его до небес, хотя вообще-то ее собственные *natures mortes* считались (в 1888-ом и снова в 1958 году) несравнимо более выдающимися работами, чем картины прославленного старого мошенника, писавшего своих маленьких обнаженных натурщиц всегда только сзади — срывающие фиги и стоящие на цыпочках персиковозадые нимфетки или взбирающиеся на скалу герль-скауты в опасно натянувшихся шортиках — —

«Отлично понимаю, — сердито перебил Ван, — о ком ты говоришь, и хочу отметить, что даже если его изысканный талант нынче не в чести, Пол Дж. Гигмент имел полное право писать своих школьниц и модниц с той стороны, с какой ему было угодно. Продолжай».

В каждый приезд этого Пиг Пигмента (продолжала невозмутимая Ада) она съезживалась, слыша, как он, пыхтя и кряхтя, тащится вверх по лестнице, даже еще более неотвратимый, чем Мраморный Гость, этот неуязвимый призрак, разыскивая ее, зовя ее тонким, ворчливым голосом, так не шедшим к мрамору.

«Бедолага», проговорил Ван.

Его способ потискать девочку, рассказывала она, «*puisqu'on aborde ce thème-là*, и я, конечно, *ne* провожу никаких обидных сравнений», состоял в том, чтобы непрестанно, с маниакальной навязчивостью, помогать ей достать что-нибудь, что угодно, какой-нибудь принесенный им гостинец, коробочку монпансье или просто старую игрушку,

подобранную им с пола в детской и высоко подвешенную на стену, или розовую свечку с синим огоньком, которую он хотел, чтобы она задула на рождественской елке, для чего, невзирая на ее робкие протесты, поднимал ее под локотки, не торопясь, не церемонясь, похрюкивая да приговаривая: ах, до чего же ты тяжеленькая, красочка эдакая, — и так продолжалось снова и снова, пока не ударял обеденный гонг или не входила няня со стаканом фруктового сока, и что за облегчение испытывали все, когда во время этих поддельных подъемов ее бедный задок *наконец-то* опускался в хрустящий снег его крахмального пластрона, и он отпускал ее и застегивал смокинг. А еще она помнит — —

«Нелепое преувеличение, — счел нужным заметить Ван. — Да к тому же, подозреваю, искусственно перекрашенное ламповым светом более поздних событий, как станет ясно еще позже».

А еще она помнит, как мучительно покраснела, когда кто-то сказал, что бедняга Пиг тронулся умом и что у него «затвердение артерии», как ей послышалось, или, может быть, «напряжение», но она уже знала, что артерии могут сильно вытягиваться, ведь она видела Дронго, вороного коня, имевшего, надо сказать, вид ужасно удрученный и растерянный из-за того, что случилось с ним посреди поляны на глазах у всех ромашек. Она подумала, сказала лукавая Ада (насколько искренне — это другой вопрос), что из его живота жеребенок высунул одну черную резиновую ногу, не понимая, что Дронго вовсе не кобыла и что у него нет сумки, как у кенгуру на любимой ее иллюстрации, но потом английская нянька объяснила ей, что Дронго просто сильно заболел, и всё стало на место.

«Хорошо, — сказал Ван. — Всё это, конечно, страшно интересно, но я имел в виду первый случай, когда ты могла подумать, что я тоже хворый Пиг или Дронго. Я помню, — продолжал он, — круглый стол, освещенный кругом розового света, и тебя, стоящую на коленях в кресле, близко от меня. Я присел на тугой подлокотник, наблюдая за тем, как ты строишь карточный домик, и каждое твое движение было, конечно, особенно выразительным, как в гипнотическом трансе, сонно-замедленным, но в то же время необыкновенно осторожным, и я буквально упивался девичьим запахом твоей голой руки и ароматом волос, теперь загубленным какими-то модными духами. Датирую этот случай — приблизительно — десятым июня: дождливый вечер на исходе моей первой недели в Ардисе».

«Я помню карты, — сказала она, — и свет лампы, и шум дождя, и твой сизый кашемировый джемпер, но больше ничего не помню, ничего странного или недостойного, *это* началось позже. К тому же

только во французских любовных романах *les messieurs hument* запах молодых особ».

«Что ж, я вдыхал, пока ты занималась своим осмотрительным делом. Тактильное волшебство. Бесконечное терпение. Кончики пальцев подстерегают гравитацию. Как же нещадно ты обкусила ногти, моя милая. Прости мне эти записки, на самом деле я просто не могу как следует выразить тягость грузного, липкого желания. Знаешь, я мечтал, что когда твой замок рухнет, ты махнешь рукой русским жестом смирения с судьбой и сядешь на мою ладонь».

«То был не замок. То была Помпейская Вилла с мозаиками и росписями внутри — недаром я брала лишь фигурные карты из старой дедовой колоды. Что ж, уселась ли я на твою горячую твердую ладонь?»

«На мою раскрытую ладонь, душка. Райские складочки. На миг ты оставалась неподвижной, заполняя мою чашу. Затем ты переменяла положение и снова встала на колени».

«Скорее, скорее, скорее, снова собирать плоские яркие карты, чтобы снова строить, снова, едва дыша? Мы все-таки были отвратительно порочными детьми, не правда ли?»

«Все смысленные дети порочны. Вижу, ты все-таки вспомнила — —»

«Не этот именно случай, а яблоню, и как ты поцеловал меня в шею, *et tout le reste*. А потом — здравствуйте: апофеоз, Ночь Горящего Амбара!»

19

Что-то вроде старой загадки («*Les Sophismes de Sophie*» м-ль Стопчиной в серии «*Bibliothèque Vieux Rose*»): предшествовал ли Горящий Амбар Чердаку или Чердак следовал первым? Ах, первый! Мы уже целовались вовсю, влюбленные кузен и кузина, когда случился пожар. Я даже успел получить из Ладоры кольдкрем «*Château Vaignet*» для своих потрескавшихся губ. И мы оба проснулись, каждый в своей спальне, когда она крикнула: «*Au feu!*» Когда же? 28 июля? 4 августа?

Кто кричал? Стопчина? Ларивьер? Скажи! Кто кричал, что амбар *flambait*?

Нет, крик застиг ее, так сказать, в разгар спанья. Я знаю, сказал Ван, кричала та кустарно накрашенная служанка, подводившая глаза твоей акварелью, во всяком случае, Ларивьер так говорила, обвиняя ее и Бланш в разных невиданных грехах.

Ах, ну конечно! Но только не эта несчастная Франш, служанка Марины, а наша дурочка Бланш. Да, это она побежала по коридору и потеряла на главной лестнице отороченную горностаем ночную туфлю, как Ашетт в английской версии сказки.

«А ты помнишь, Ван, какой жаркой была та ночь?»

«Еще бы! В ту ночь из-за вспышек — —»

В ту ночь из-за тревожных вспышек далеких зарниц, проникавших сквозь черные червы листвы его приюта, Ван выбрался из гамака под тюльпановыми деревьями и отправился досыпать в свою комнату. Поднявшаяся в доме суматоха и вопль служанки прервали редкостный, диамантовый, драматичный сон, предмет которого он позже не мог уже вспомнить, хотя всё еще хранит его в сбереженной шкатулке с драгоценностями. Он, как обычно, спал нагишом, и теперь колебался, натянуть ли ему шорты или завернуться в клетчатый плед. Он выбрал второе, погромел спичечным коробком, зажег свечку, оставленную на ночном столике, и покинул свою комнату, готовый спасти Аду со всеми ее личинками. В коридоре было темно, где-то восторженно лаяла такса. Из удалявшихся разрозненных криков Ван заключил, что горит так называемый «баронский амбар», огромная, всеми любимая постройка верстах в четырех от дома. Случись это ближе к осени, полсотни коров могли бы остаться без сена, а Ларивьерша без своего дневного кофе со сливками. Ван почувствовал себя ущемленным. Они все уехали, а меня оставили одного на весь дом, как бормочет старик Фирс в конце «Вишневого сада» (Марина была сносной г-жой Раневской).

Обязанный клетчатой тогой, Ван последовал за своим черным двойником вниз по внутренней винтовой лестнице, ведущей в библиотеку. Став голым коленом на ворсистый диван под окном, он отвел тяжелые красные портьеры.

Дядя Дан с сигарой во рту и Марина в платке, державшая на руках Дака, который заносчиво облаивал сторожевых псов, отъезжали со двора в прогулочном автомобиле — красном, как пожарная машина! — среди поднятых рук и качающихся фонарей, и тут же на хрустком повороте подъездной аллеи их обошли верхом на лошадях трое слуг-англичан с тремя французскими служанками en stoivre. Казалось, все домашние отправились любоваться пожаром (редкое зрелище в наших сырых и безветренных краях), используя всевозможные — технически и поэтически — средства передвижения: элегические телеги, телеходы, тракторозы, трициклы и даже заводные багажные тележки, которыми стационарный зритель снабдил семейство в память об их изобретателе, Эразмусе Вине.

Одна лишь гувернантка (что уже успела установить Ада, не Ван) как ни в чем не бывало храпела с присвистом и чмоканьем в соседней со старой детской комнате, а в самой детской Люсетта, проснувшись и полежав с минуту неподвижно, пустилась догонять свой сон, в котором как раз успела запрыгнуть в последний мебельный фургон.

Ван, стоя на коленях перед венецианским окном, следил за удалявшимся и пропадавшим красным глазком дядиной сигары. Этот всеобщий отъезд... Теперь ты.

Этот всеобщий отъезд представлял собой поистине великолепное зрелище на фоне белесого от сонма звезд небосвода (над почти субтропическим Ардисом), расцвеченного внизу, между черных деревьев, далеким фламिंगовым заревом — там, где Горел Амбар. Дорога к нему огибала большое искусственное озеро, которое вижу изрезанным ослепительной чешуйчатой рябью то там, то тут, где какой-нибудь лихой грум или кухонный мальчишка мчит на водных лыжах, скользит на роброе или на плоту: обычный плот оставлял за собой рябь, напоминавшую огненных японских драконов. А теперь мы можем проследить глазом художника за горящими автомобильными фарами, передними и задними, которые движутся в восточном направлении вдоль линии АБ этого прямоугольного водоема, резко сворачивают на углу Б, одолевают его короткую сторону и ползут вновь на запад, уменьшившись и померкнув, к середине линии дальнего берега, где они уходят на север и исчезают.

Когда последние слуги, повар и ночной сторож, пробежали через лужайку к безлошадной двуколке или коляске, призывно стоявшей поодаль с бесстыдно задранными в небо оглоблями (или то была повозка рикши? Дяде Дану когда-то прислуживал камердинер-японец), Ван с радостью и трепетом обнаружил, что прямо там, на черной, как тушь, аллее, Ада в длинной своей ночной рубашке бредет среди зарослей со свечкой в одной руке и туфелькой в другой, как если бы кралась по пятам и обкрадывала заплутавших огнепоклонников. Нет, то было всего лишь ее отражение в оконном стекле. Бросила найденную туфельку в корзину для бумаг и взобралась к Вану на диван.

«Видно что-нибудь отсюда, ах, видно или нет?» — повторяла темноволосая девочка, и сотни амбаров полыхали в ее янтарно-черных глазах, пока она вся лучилась и вглядывалась в блаженном любопытстве. Он взял у нее свечу и поставил на подоконник, рядом со своей, более длинной. «Ты голый, ты просто ужасно гадкий», заметила она без всякого выражения или осуждения, не глядя на него, но когда она стала рядом с ним на колени, он, Рамзес Шотландец,

все же затянул свой клетчатый плед потуже. Некоторое время они любовались романтическим ночным пейзажем в оконной раме. Он начал гладить ее, трепеща, глядя прямо перед собой, проводя рукой слепца вниз вдоль ложбинки ее спины, покрытой лишь тонким батистом.

«Гляди-ка, цыгане», шепнула она, указывая на три темные фигуры — двух мужчин, один из которых нес лестницу, и ребенка или карлика, которые, озираясь, пересекали серую лужайку. Заметив огоньки свечей в окне, они тут же ретировались, причем самый маленький из троицы пятился à reculons, как будто делая на ходу снимки.

«Я нарочно осталась, надеялась, что и ты тоже, вот — предумышленное совпадение», сказала она, или потом сказала, что она так сказала тогда, а он всё продолжал оглаживать поток ее волос и сминать ее тонкую ночную рубашку, еще не смея запустить руку под нее, но уже осмеливаясь, однако, сжимать ее ягодичцы, пока она, коротко шикнув на него, не села на его ладонь и свои пятки, едва пылающий картонный домик обрушился. Она повернулась к нему, и вот он уже припал губами к ее обнаженному плечу, прижимаясь к ней, как тот солдат в очереди, у нее за спиной.

Впервые слышу о нем. Я полагал, что пожилой господин Нимфопопотам был моим единственным предшественником.

Прошлой весной. Поездка в город. Французский спектакль, дневное представление. Мадемуазель потеряла билеты. Беднячок, надо думать, решил, что «Тартюф» происходит от английского «tart» (гулящая).

Se qui n'est pas si bête, au fond. Что, в сущности, не так уж глупо. Хорошо. В той сцене с Горящим Амбаром — —

Да?

Ничего. Продолжай.

Ах, Ван, той ночью, в ту минуту, когда мы стояли на коленях, бок о бок, перед зажженными свечами, как Молящиеся Дети на очень скверной картине, обратив — нет, не к Дражайшей Бабуле, получившей рождественскую открытку, а к удивленному и довольному Змию — две пары мягкоскладчатых подошв, унаследованных от древесных прародителей, я, помню, просто сгорала от нетерпения, так хотела получить от тебя кое-какие объяснения исключительно научного рода, потому что краем глаза я заметила — —

Не сию минуту, прямо сейчас это не столь уж привлекательное зрелище, а через мгновение станет и того хуже (или что-то в этом духе).

Ван никак не мог взять в толк, то ли она вправду феноменально невежественна и чиста, как ночное небо (с которого уже сошло огневое зарево), то ли, напротив, известный опыт побуждает ее вести расчетливую игру. Что не так уж важно, в конце концов.

Погоди, не сию минуту, сказал он сдавленным голосом.

Она настаивала: носкажимне... яхочузнать — —

Своими полными губами, parties très charnues этих страстных близнецов, Ван зарывался в черные шелка ее прямых и свободных волос, почти достающих до люмбуса (когда она откидывала назад голову, как сейчас), пытаясь добраться до нагретых постельным теплом ременных мышц шеи. (Совсем не обязательно, здесь и в других местах, в такого рода пассажах, испещрять довольно гладкий слог темноватыми анатомическими терминами, засевающими в памяти психиатра со студенческих лет. Поздняя приписка рукою Ады.)

«Носкажимне...», повторила она, когда он алчно достиг своей горячей бледнокожей цели.

«Слушай, я хочу знать», сказала она совершенно отчетливо, но уже плохо владея собой, поскольку его жадная ладонь добралась дальше ее подмышки и его большой палец нажимал на ее сосок, отчего у нее звенело в ушах: звонок, вызывающий горничную в георгианском романе — необъяснимым образом, без малейшего намека на *elettricità* — —

(Протестую. Нельзя. Запрещено даже на литовском и латинском. Приписка Ады.)

« — хочу знать... »

«Спрашивай, — крикнул Ван, — но только ничего не испортить» (не испортить вот это впитывание тебя, обволакивание тебя).

«Скажи, почему, — спросила она (настойчиво, с вызовом, и пламя одной свечи перемигнуло, одна диванная подушка упала на пол), — почему ты там становишься таким толстым и твердым, когда ты — — »

«Становлюсь где? Когда я что?»

Вместо объяснения она тактично и доходчиво потерлась об него животиком, всё еще более или менее коленапреклоненная, и ее длинные волосы мешали ему, а ее веко щекотало ему ухо (положение их тел по отношению друг к другу стало к этому времени довольно прихотливым).

«Повтори!» — крикнул он, как будто она была очень далеко, отраженная в темном стекле.

«Покажи немедленно», приказала она.

Он отбросил свой псевдокилт, и ее тон сразу изменился.

«Ах, бедненький, — сказала она так, как говорит один ребенок другому. — С него совсем сползла кожа и он весь горит. Больно? Ужасно больно, да?»

«Тронь сейчас же!» — взмолился он.

«Ван, бедный Ван, — продолжала она уютным голоском славной девочки, которым говорила со своими кошками, гусеницами, окукливающимися питомцами, — да, я уверена, саднит нестерпимо. Ты правда думаешь, что поможет, если я дотронусь?»

«Еще как, — сказал Ван, — on n'est pas bête à ce point» (есть пределы и для глупости — разг., груб.).

«Рельефная карта, — сказала прелестная педантка, — африканские реки. — Она провела указательным пальцем по голубому Нилу до самых джунглей и поднялась обратно к верховьям. — А это что такое? Даже у подосиновика красного намного менее бархатистая шляпка. Признаться (не переставала она лепетать), он напоминает мне цветок герани или, скорее, пеларгонии».

«Господи, мы все такие», сказал Ван.

«А какой он приятный на ощупь, Ван, мне нравится! Правда, очень нравится!»

«Сожми, ты, недотепа, не видишь, я умираю!»

Но наша юная ботаничка совершенно не знала, как обращаться с такой штуковиной, и Ван, которому уже ничего другого не оставалось, только грубо уткнулся ею в нижнюю кайму ее сорочки, бессильный сдерживать стоны, пока исходил лужицей наслаждения.

Она в смятении посмотрела вниз.

«Не то, что ты думаешь, — кротко предупредил ее Ван. — Это *не* малая нужда. В сущности, это так же чисто, как соки трав. Что ж, теперь загадка Нила раскрыта, точка, Спик».

(Никак не пойму, *отчего* ты изо всех сил стараешься обратить наше романтическое и неповторимое прошлое в грязный фарс? Скажи правду, Ван! Ах, *я-то* как раз честен, так всё и начиналось. Я не был уверен в себе, отсюда бравада и притворство. Ah, *parlez vous*: а я могу доказать, радость моя, что те знаменитые пальчиковые странствия вверх по твоей Африке и на край земли начались намного позже, когда я знала уже весь путь назубок. Прости, нет; если бы у людей были одинаковые воспоминания, то они бы не были разными людьми. Вот-так-всё-и-началось. Но мы-то не «разные»! «Думать» и «воображать» — по-французски одно слово. Подумай о *douceur*, Ван! Ох, я думаю об этом, конечно, я думаю — все это было *douceur*, дитя мое, рифма моя. Так-то лучше, сказала Ада.)

Пожалуйста, теперь ты.

Ван, совершенно голый, растянулся на диване, освещаемый свечой, теперь ровно горящей.

«Давай останемся спать здесь, — сказал он. — Они не вернутся, пока рассвет вновь не раскурит дядину сигару».

«Моя рубашка trempée», прошептала она.

«Сними ее, мы укроемся пледом».

«Не смотри, Ван».

«Это не честно», сказал он и помог ей стянуть рубашку через голову, глядя, как она встряхивает длинными волосами. Лишь одно-единственное таинственное место ее мелового тела было отмечено угольно-черной штриховкой. Зловредный нарыв оставил у нее между двух ребер розовый шрам. Он поцеловал его и лег на спину, положив руки под голову. Ада сверху изучала его смуглое тело, муравьиный караван, бредущий к оазису пупка. Он был уже довольно волосатым для своего юного возраста. Ее молодые круглые грудки нависали прямо над его лицом. Я отвергаю как врач и художник посткоитальную папиросу мещанина; однако, по правде сказать, Ван знал, что на консоли имеется стеклянная шкатулка Турецких Травма-Тисовых папирос — намного дальше расстояния лениво вытянутой руки. Высокие напольные часы отбили неизвестно к чему относящуюся четверть, и Ада уже наблюдала, подперев кулачком щеку, за примечательными, хотя и странно-угрюмыми вращениями, строго по часовой стрелке, и натуженными подъемами восстающей мужественности.

Но диванный ворс был колюч, как усеянное звездами небо, и перед тем, как приступить к чему-то еще, Ада, став на четвереньки, принялась иначе устраивать плед и подушки: юная туземка, изображающая крольчиху. Находясь у нее за спиной, он нащупал и сжал в ладони ее горячее маленькое устье и мигом занял положение мальчика, лепящего замок из песка, но она обернулась к нему, простодушно готовая обнять его в том положении, в каком кормилица советовала Джульетте принять своего Ромео. Она оказалась права. Впервые за время их любви благословение, гений лирической речи, снизошло на грубоватого подростка, он бормотал и стонал, целовал ее лицо с многословной нежностью, выкрикивая на трех языках, трех величайших в мире языках, ласковые словечки, которым предстояло лечь в основу словаря их тайных диминутивов и затем пополниться во множестве переизданий до самой последней, дефинитивной редакции 1967 года. Когда его вскрики становились слишком громкими, она сдерживала его,

выдыхая ему в рот «ш-ш-ш», и теперь все ее четыре конечности естественно обхватывали его, как если бы она отдавалась многие годы, во всех наших снах — но слишком горячая юная страсть (бурлящая, как переполненная ванна Вана, переписывающего эту страницу — своенравный седой словоправ, сидящий на краю отельной постели) не вынесла нескольких первых слепых толчков; она выплеснулась на лепесток орхидеи, и птичка синешейка залилась остерегающей трелью, и огни уже крались обратно в лучах рваной зари, светляки огибали озеро, точки экипажных фонарей превратились в звезды, захрустели по гравию колеса, и все собаки вернулись очень довольные ночным развлечением, и Бланш, племянница повара, выскочила из тыквенного цвета полицейского фургона, показав свои обтянутые чулками ножки (позже, увы, много позже полуночи), и двое наших голых детей, подхватив плед, сорочку и свечки и пригладив на прощанье диван, с легким топотом убрали в свои целомудренные спальни.

«А ты помнишь, — сказал седуосый Ван, беря с ночного столика Каннабиновую сигарету и гремя желто-голубым спичечным коробком, — какими мы были беспечными, и как Ларивьерша вдруг перестала храпеть и через мгновенье начала с новой силой, и какими холодными были железные ступени, и как я был обескуражен тобой — как бы это выразить? — необузданностью».

«Болван», сказала Ада со своего места у стены, не поворачивая головы.

Лето 1960-го? Переполненный отель где-то между Эксом и Ардезом?

Стоит начать датировать каждую страницу рукописи: надо быть добрее к моим неведомым мечтателям.

20

Наутро, еще не оторвав головы от наполненной снами мягкой подушки, добавленной к его во всех иных отношениях убогой постели милашкой Бланш (с которой по сновидческим правилам пти-жё он держался за руки в душераздирающем кошмаре — или, быть может, то была не она самая, а только ее дешевые духи), наш юноша мгновенно ощутил напор счастья, стучащего, чтобы его впустили. Он попытался продлить волнение этой неопределенности, пустившись по последним тающим следам жасмина и слез своего вздорного сна, но тигр счастья одним прыжком вторгся в явь.

Что за приятное возбуждение вызывает сознание недавно обретенной привилегии! Его тень, кажется, накрыла и последнюю часть

его сна, в которой он рассказывал Бланш, что обучился левитации и что эта его способность с волшебной легкостью ступать во воздухе, в нескольких вершках от земли, позволит ему побить все рекорды по прыжкам в длину, он сможет как бы прогуливаясь одолевать расстояние, скажем, в десять или одиннадцать метров (чтобы не вызывать подозрений слишком большой протяженностью): трибуны ревут, а пораженный Замбовский из Замбии глядит, разинув рот, глазам своим не веря.

Нежность придает подлинному триумфу завершенность, умиление умягчает истинное раскрепощение: эмоции, которые во снах не применимы ни к славе, ни к страсти. Невиданная радость, которую Ван испытывал отныне (и до скончания времен, как он надеялся), черпала свою силу по большей части из уверенности, что он волен осыпать Аду, не таясь и не спеша, всеми теми мальчишескими ласками, о которых он прежде не мог и помыслить из страха перед общественным порицанием, мужского эгоизма и моральной оглядки.

По воскресным дням о завтраке, обеде и ужине возвещали три гонга — малый, средний и большой. Первый только что пригласил домочадцев в гостиную. Его короткий гром взволновал Вана мыслью, что всего двадцать шесть ступенек отделяет его от юной сообщницы, нежный мускус которой всё еще хранила впадина его ладони. Его охватило чувство восторженного изумления: неужели это *в самом деле* случилось. Неужели мы теперь *вправду* свободны? Некоторые комнатные птицы, рассказывают китайские знатоки, трясая от смеха своими жирными брюхами, каждое треклятое утро, лишь проснутся, принимаются биться о прутья клетки, как бы продолжая естественный, сновидческий полет, а затем падают замертво на несколько минут, хотя во всё остальное время дня эти яркоперые узники веселы и покорны, щебечут как ни в чем не бывало.

Ван сунул одну голую ступню в теннисную туфлю, вышаркивая другой ногой из-под кровати ее затаившуюся пару, и поспешил вниз мимо довольного с виду князя Земского и мрачного Винсента Вина, епископа Балтикоморска и Комо.

Но она еще не спускалась. В сияющей гостиной, полной желтых цветов, склонявших свои венчики в лучах солнца, дядя Данила принимал пищу. Он был одет под стать довольно жаркому деревенскому дню: костюм в яркую полоску, как на конфетных обертках, розовая фланелевая рубашка, пикейный жилет и красно-синий клубный галстук; очень высокий мягкий воротник был скреплен золотой английской булавкой (все эти узкие полоски и разноцветные части его одежды слегка сместились в типографии, печатающей комичные

картинки на последних страницах воскресных газет). Он как раз управился со своим первым ломтиком поджаренного хлеба, смазанным маслом и умеренно подслащенным Тем Самым Апельсиновым Мармеладом, и теперь, отхлебнув кофе, с индюшиным кулдыканьем полоскал свою вставную челюсть, прежде чем проглотить жидкость вместе с аппетитными крошками. Будучи человеком не робкого десятка (в чем я имел возможность убедиться), я мог бы прямо взглянуть в его розовое лицо с этими рыжими, забавно вращающимися «щетками», но я не был обязан лицезреть (так думалось Вану в 1922 году, когда он снова увидел яркие лепестки этих *baguenaudier*) его лишенный подбородка профиль с рыжими курчавыми бакенами. Рассудив так, Ван не без приятного предвкушения оглядел синие горшочки горячего шоколада и нарезанные хлебные булки, приготовленные для проголодавшихся детей. Марина завтракала в постели, дворецкий и Прайс — в укромной нише буфета (навевавшей отчего-то приятные мысли), а м-ль Ларивьер не притрагивалась к еде до полудня, будучи суеверной «мидинеткой» (такая секта, а не галантерея), которой удалось обратить в эту веру даже своего духовника.

«Могли бы и нас взять на пожар, дядюшка», заметил Ван, наливая себе полную чашку шоколада.

«Тебе Ада всё расскажет, — ответил он, любовно смазывая второй ломтик хлеба маслом и мармеладом. — Она в восторге от этой экскурсии».

«А разве она поехала с тобой, неужели?»

«Ну да, в черном шарабане, вместе со всеми дворецкими. Презабавное происшествие, в самом деле» (последнее слово, «*really*», он произнес на псевдобританский манер, как «*gally*», что означает общий съезд или сбор).

«Вот как? Но то, верно, была какая-нибудь посудомойка, а не Ада, — сказал Ван. — Я и не предполагал, — добавил он, — что их здесь несколько, я имею в виду дворецких».

«О, похоже, что так», туманно ответил дядя Дан. Он возобновил свое потайное полосканье и затем, кашлянув, надел очки, но поскольку утренних газет еще не принесли, снова снял их.

Вдруг Ван услышал ее милый задумчивый голос на лестнице, обращенный к кому-то наверху: «*Je l'ai vu dans une des corbeilles de la bibliothèque*», — подразумевая, предположительно, герань или фиалку, а, может быть, Венерин башмачок. Наступила «пауза у перил», как говорят фотографы, после которой из библиотеки донесся радостный крик горничной и затем вновь голос Ады: «*Je me demande*,

хочу я знать, qui l'a mis là, кто ее туда положил». Aussitôt après, она вошла в гостиную.

Она надела, не сговариваясь с ним, черные шорты, белую джерси и мокасины. Заплетенные в толстую косу волосы были убраны назад, открывая ее большой круглый лоб. Розовая сыпь раздражения под нижней губой блестела от глицерина сквозь слой небрежно нанесенной пудры. Она была слишком бледной, чтобы казаться по-настоящему красивой. В руках она держала томик стихов. Моя старшая дочь довольно невзрачна, зато волосы дивные, а младшая прехорошенькая, хотя и рыжая, как лиса, — замечала, бывало, Марина. Неблагодарный возраст, неблагодарное освещение, неблагодарный художник, но *благодарный* любовник. В нем высоко поднялась откуда-то из подложечной впадины настоящая волна обожания. Пронзительное волнение видеть ее, сознавать, что она знает и что никто больше не знает, чему они предавались так свободно, и грязно, и сладостно менее шести часов тому назад, — всё вместе оказалось слишком сильным чувством для нашего зеленого любовника, даже несмотря на его попытку опошлить произошедшее посредством моральной коррективы позорного наречия. Неловко выдавив вялое «здрасьте», а не обычное утреннее приветствие, которое она, впрочем, пропустила мимо своих прелестных ушек, — Ван склонился над завтраком, следя в то же время за каждым ее движением своим тайным полифемовым органом. Проходя за спиной г-на Вина, она легонько хлопнула его по лысому темени своей книжкой, и, усаживаясь, шумно придвинула стул к нему, сидевшему напротив Вана. Светски моргая кукольными ресницами, она наполнила большую чашку шоколадом. Девочка подцепила ложкой кусок сахара и погрузила его в чашку, с удовольствием глядя, как горячая коричневая масса, и без того сладкая, пропитывает и растворяет оплывающий зернистый уголок, а затем и весь кубик.

Между тем дядя Дан запоздалым движением согнал со своего темени воображаемое насекомое, поглядел вверх, поглядел вокруг и наконец заметил появление вновьприбывшей:

«Ах да, Ада, — сказал он, — вот Вану как раз не терпится кое-что выяснить. Чем это ты занималась, милая, пока мы с ним тушили пожар?»

Ада зарделась его отблеском. Вану никогда не приходилось видеть девочки, да еще с такой прозрачно-белой кожей, да и вообще кого бы то ни было, фарфорового или персикового, кто бы краснел так мучительно и привычно, и эта особенность огорчала его гораздо больше, чем любой поступок, который мог вызвать такое яркое зарево. Она украдкой бросила растерянный взгляд на помрачневшего

мальчика и понесла что-то о том, что она спала, как угорелая, то есть убитая, в своей постели.

«А вот и нет, — резко перебил ее Ван, — мы с тобой вместе смотрели на пламя пожара из окна библиотеки. А дядя Дан is all wet (сел в лужу)».

«*Ménagez vos américanimes*», сказал сей последний, а затем широко развел руки в отцовском объятии, встречая простодушную Люсетту, которая вбежала в комнату, держа в кулачке, как хоругвь, игрушечную розовую рампетку для ловли бабочек, с жесткой, будто накрахмаленной, сеткой.

Ван, глядя на Аду, неодобрительно покачал головой. Она в ответ высунула острый лепесток языка и он, содрогнувшись от отвращения к самому себе, почувствовал, как сам заливается краской. Вот так и освобождение! Вложив салфетку в кольцо, он удалился в смежное с залом *мгстечко*.

После того, как она в свою очередь покончила с завтраком, он подкараулил ее, напитанную сливочным маслом, на площадке лестницы. Они располагали всего минутой, чтобы стовориться; дело было, с исторической точки зрения, на самой заре развития романа, еще находившегося в руках дочек викариев и французских академиков, так что такие мгновения были бесценны. Она стояла, почесывая приподнятое колено. Условились пойти на прогулку перед обедом и отыскать неприметный уголок. До этого ей еще нужно закончить перевод для м-ль Ларивьер. Она показала ему черновик. Из Франсуа Коппе? Да.

Спадают листья в грязь. В полете
Их различает лесоруб:
Лист клена — по кровавой плоти,
По медным листьям — старый дуб.

«*Leur chute est lente*, — сказал Ван, — *on peut les suivre du regard en reconnaissant*: этот парафрастический прием с полетом и лесорубом, конечно, достоин Лоудена (незначительный поэт и переводчик, 1815–1895). А пожертвовать первой половиной строфы ради спасения второй — это всё равно что бросить возницу на съедение волкам, как сделал один русский барин, после чего и сам выпал из саней».

«А я думаю, что ты жесток и глуп, как пуп, — сказала Ада. — Стишок этот не претендует ни на произведение искусства, ни на блестящую пародию. Это оброк, которого свихнувшаяся гувернантка потребовала от бедной перетруженной школьницы. Жди меня в бе-

сидке у кустов пузырника, — добавила она, — я приду ровно через шестьдесят три минуты».

Ладони у нее были холодными, а шея горячее; юный помощник почтальона звонил у парадной двери; Бут, молодой лакей, побочный сын дворецкого, пошел отворять, ступая по гулким плитам холла.

По воскресеньям почта запаздывала из-за пухлых воскресных приложений к балтикоморским, калужским и лужским газетам, которые старик-почтальон Робин Шервуд, облаченный в ярко-зеленую форму своего ведомства, развозил верхом на лошади по всей сонной округе. Ван, быстро спускавшийся через ступень с террасы и напевавший школьный гимн, — единственный мотив, который он мог вынести, — заметил Робина, сидевшего на старой гнедой кобыле: он держал за поводья горячего черного жеребца своего юного помощника, красавца-англичанина, к которому (как судачили за подстриженными розовыми изгородями) старик был привязан гораздо крепче, чем того требовала должность.

Ван дошел до третьей лужайки и до самой беседки; он тщательно обследовал декорации, приготовленные для постановки, «как провинциал, явившийся за час до начала оперы после целого дня тряско-го пути по проселочным дорогам, поросшим маками и васильками, которые цеплялись за спицы и мелькали в колесах его брички» (из «Урсулы» Флоберга).

Голубые бабочки, размером с репницу и того же европейского происхождения, быстро подлетали к кустам и садились на склоненные соцветия желтых цветов. Сорок лет спустя и при более благоприятных обстоятельствах Вану и Аде вновь довелось любоваться, с удивлением и радостью, тем же насекомым и теми же кустами пустырника, растущими вдоль лесной тропы около Зустена, в Валлийском кантоне. Сейчас он с нетерпением готовился набрать побольше деталей, которые сможет вскоре неторопливо перебирать в памяти. Улегшись на дерн, он следил за крупной, смелой голубяжкой, обмирая от вида воображаемых им белых Адиных ног и рук среди пятнистого света беседки и рассудительно убеждая себя в том, что реальность не может тягаться с фантазией. Но затем, искупавшись в глубоком ручье за боскетом и вернувшись к беседке, с мокрыми волосами и звенящей кожей, он испытал редкое удовольствие, найдя точную репродукцию мелькнувшего перед ним видения, воплощенного в живой белизне слоновой кости, с той лишь разницей, что она пришла с распущенными волосами и надела его любимое короткое платье из яркого, как солнце,

ситца, которое он так пылко мечтал запятнать в столь недавнем прошлом.

Он решил раньше всего заняться ее ногами, ему казалось, что прошлой ночью он не отдал им должного; облечь их оболочкой поцелуев, от А — арки подъема ступни до бархатистой V — ижицы, и это намеренье Ван немедленно исполнил, лишь только они уединились в глубине хвойной рощи, замыкавшей парк по обрыву скалистой кручи, отделявшей Ардис от Ладоры.

Так и осталось неустановленным, хотя, собственно, никто и не стремился это установить, — как, когда и где он ее «дефлорировал» — вульгаризм, значение которого Ада в Стране Чудес случайно узнала, листая «Энциклопедию Фроди»: «...прорвать вагинальную перепонку девственницы мужским половым органом или механическим способом»; к чему был уготовлен и пример: «Благодеяние его невинной души подверглось дефлорации (Иеремия Тейлор)». Произошло ли это на клетчатом пледе в ночь пожара? Или в другой день под лиственницами? Может быть, позже, в тире, или на чердаке, на крыше, на неприметном балконе, в ванной, или — не без риска — на ковре-самолете? Нам это неизвестно и не важно.

(Ты так много, так часто целовал, и пощипывал, и теребил, и теснил меня там, что во всей этой горячке мое девство куда-то запропастилось. Но я отлично помню, мой милый, что к середине лета машина, которую наши предки именовали «совокуплением», работала столь же слаженно и гладко, как и потом, в 1888 году и после. Приписка на полях красными чернилами.)

21

Аде не разрешалось свободно пользоваться библиотекой. Согласно последнему реестру, отпечатанному 1 мая 1884 года, она состояла из 14 841 издания, но даже этот простой перечень гувернантка предпочитала держать от ребенка подальше, «*pour ne pas lui donner des idées*». Разумеется, на собственных Адиных полках имелись таксономические труды по ботанике и энтомологии, перемежавшиеся учебниками и несколькими выхолощенными романами. В библиотеке же ей не только воспрещалось рыться без надзора, но каждая книга, которую она брала, чтобы читать в постели или в беседке, проверялась ее наставницей и выписывалась «*en lecture*» на ее имя с проштемпелеванной датой на линованных карточках в каталоге, содержавшемся м-ль Ларивьер в тщательном беспорядке. Отчаянные, но напрасные усилия по водворению порядка (как не вспомнить осьмушки розовой, красной и багровой бумаги — с обоснованными

сомнениями, убедительными просьбами и решительными протестами, — рассованные в каталожных ящиках в соответствующих местах!) предпринимал ее кузен, миниатюрный пожилой холостяк Филипп Верже, болезненно замкнутый и застенчивый господин, дважды в месяц незаметно приходивший в библиотеку ради нескольких часов бесшумной работы — до того в самом деле бесшумной, что однажды вечером, когда высокая подвижная лестница, на вершине которой мосье Верже стоял с охапкой книг, вдруг обморочно качнулась и начала ужасно медленно, как в кинематографе, валиться назад, он навзничь упал на ковер вместе с лестницей и прижатыми к груди книгами в такой невозмутимой тишине, что преступница-Ада, полагавшая, что в библиотеке никого нет, и вынимавшая, быстро пролистывая, том за томом, совершенно ее разочаровавшую «Тысячу и одну ночь», приняла его падение за тень двери, тишком отворенной пухлявым евнухом.

Близость Ады с ее *cher, trop cher René*, как она иногда, ласково подшучивая, называла Вана, кардинально переменяла положение дел: какие бы декреты ни были оглашены доселе, они все отныне были упряднены. Едва приехав в Ардис, Ван уведомил свою бывшую гувернантку (у которой были основания принимать его угрозы всерьез), что если ему воспретят брать в библиотеке в любое удобное ему время, на любой срок и без всяких отметок «*en lecture*» что ему ни заблагорассудится — какой-нибудь толстый том, или собрание сочинений, или брошюрки в коробках, или даже инкунабулы, — он прикажет отцовской библиотекарьше, мисс Вертоград, безусловно-исполнительной и бесконечно обязательной старой деве того же формата и приблизительно того же года выпуска, что и мосье Верже, прислать ему в Ардис-Холл несколько ящиков с произведениями вольнодумцев восемнадцатого века, трудами немецких сексологов и полными комплектами всяких камасутр и Нефзави в дословных переводах и с апокрифическими дополнениями. Озадаченная м-ль Ларивьер могла бы спросить, что думает на этот счет хозяйин Ардиса, кабы не то обстоятельство, что она ничего серьезного не обсуждала с ним с того дня (в январе 1876 года), когда он неожиданно-негаданно (и, по совести сказать, без огонька) попытался за ней приударить. Что же до дражайшей и ветреной Марины, то когда м-ль Л. обратилась к ней с этим, она лишь заметила в ответ, что в Вановы годы попросту извела бы свою гувернантку тараканьей бурой, ежели бы та запретила ей читать, ну, к примеру, тургеневский «Дым». Засим всё, что Ада желала или могла бы пожелать прочесть, Ван предоставлял в ее распоряжение в разных тихих уголках усадьбы, и единственным

видимым следствием всё возраставшего недоумения и негодования мосье Верже было увеличение того странного белоснежного праха, который он всегда оставлял после себя, то там, то здесь, на темном ковре или в ином каком месте, смотря по тому, где он занимался своей кропотливой и неблагодарной работой, — что за казнь египетская для такого опрятного маленького господина!

На славном рождественском балу для служащих частных библиотек, устроенном года за два до того попечением Брайлевского Клуба в Радуге, отзывчивая мисс Вертоград заметила, что смеявшийся мелким смехом мосье Верже, с которым она разорвала доставшуюся им одну на двоих крохотную хлопушку (ожидаемого хлопка не произошло, и за красивой золотой бумагой не оказалось ни конфеты, ни брелока, ни какого-либо иного подарка судьбы), страдал той же, что и она, примечательной кожной болезнью. Она недавно была описана в подробностях знаменитым американским писателем в романе «Хирон», и тогда же о ней уморительным слогом поведал известный эссеист лондонского еженедельника, еще одна ее жертва. С бесприммерной деликатностью мисс Вертоград стала посылать через Вана довольно неблагодарному французскому господину библиотечные бланки с различными краткими советами: «Ртутная мазь!» или «“Höhensonne” творит чудеса». М-ль Ларивьер, также осведомленная о напасти своего брата, отыскала статью «Псориаз» в однотомной медицинской энциклопедии, которая досталась ей в наследство от матери и которая не только отлично послужила ей самой и ее воспитанникам при всяких пустяковых случаях, но и безотказно снабжала подходящими недугами героев ее рассказов, печатавшихся в «Квебекском Ежеквартальнике». В данном случае энциклопедия оптимистично предписывала «по крайней мере дважды в месяц брать теплую ванну и стараться избегать пряной пищи». М-ль перестукала эту рекомендацию на машинке и послала кузену в особом конверте, украшенном печатным пожеланием «Скорейшего выздоровления!». Этим, однако, дело не кончилось. Было еще посвященное тому же предмету письмо от д-ра Кролика, которое Ада показала Вану; в нем (по-английски) сообщалось следующее: «Этих несчастных, покрытых пунцовыми пятнами, серебристой чешуей или желтыми струпьями, безобидных псориатиков, кожная болезнь которых совершенно не заразна и которые во всех иных отношениях могут быть абсолютно здоровыми людьми — поскольку их бобо отлично предохраняет “и от люэса, и от гусарского насморка”, как говаривал мой профессор, — в Средние века принимали за прокаженных, да-да, прокаженных, и тысячи, если не миллионы Верже

и Вертоград выли и лопались, как шутихи, привязанные добрыми гражданами к столбам на площадях Испании и других огнелюбивых стран». Эту записку, впрочем, они решили не подсовывать терпеливому мученику в картотеку под литерами PS, как сперва хотели сделать: знатоки чешуекрылых бывают слишком уж красноречивы, когда речь заходит о чешуйках.

1 августа 1884 года бедный библиотекарь подал *démission éplorée*, и с той поры романы, стихи, научные и философские труды стали исчезать из библиотеки без следа. Они пересекали лужайки и плыли вдоль изгородей, как те предметы, которые уносил Человек-невидимка в восхитительной сказке Уэллса, и где бы юные любовники ни назначали свои свидания, все эти книги прямехонько опускались Аде на колени. Оба искали в книгах волнения и восторга, как делают лучшие читатели; оба находили во многих прославленных сочинениях претенциозность, скуку и прикрытое гладким слогом невежество.

При первом чтении (лет в девять или десять) повести Шатобривана, рассказывающей о романтических единокровных брате и сестре, Ада не вполне поняла предложение «*les deux enfants pouvaient donc s'abandonner au plaisir sans aucune crainte*». Один похабный критик в сборнике статей «*Les muses s'amuse*nt», которым Ада теперь могла вдоволь натешиться, пояснял, что «*donc*» относится и к бесплодию нежного возраста, и к бесплодности нежного кровосмешательства. Ван, впрочем, сказал на это, что и писатель, и критик заблуждаются, и в подтверждение обратил внимание своей ненаглядной на ту главу в опусе «Акт половой и акт правовой», в которой рассматривалось воздействие пагубного каприза природы на общество.

В те времена в этой стране определение «виновный в кровосмесительной связи» означало не только распущенный (*unchaste*) — значение, обсуждавшееся больше лингвистами, чем юристами, — но также предполагало (к примеру, во фразе «кровосмесительное сожителство»), ни много ни мало, покушение на естественный ход человеческой эволюции. История давно уже заменила апеллирование к «божественному праву» здравым смыслом и научно-популярными представлениями. При сложившемся взгляде на вещи видеть в «инцесте» преступление — всё равно что полагать таковым и «инцухт». И тем не менее, как еще во дни Мятежей Альбиносов в 1835 году заметил смелый судья Болд, практически все североамериканские и татарские скотоводы и земледельцы применяют инцухт в качестве одного из методов разведения, способствующего (если им пользоваться осмотрительно) сохранению, улучшению, устойчивости и даже восстановлению особенно ценных свойств той или иной

породы или сорта. Если же переусердствовать, родственное смешение приведет к различным формам вырождения, к появлению калек, немощных, «безропотных уродцев» и, наконец, к безнадежной стерильности. *Вот* в чем теперь крылось «преступление», а поскольку никто бы не мог даже из лучших побуждений контролировать оргии беспорядочного инбридинга (где-то в бескрайней Татарии пятьдесят поколений всё более и более длинношерстных овец недавно пресеклись рождением одного последнего ягненка, совершенно голенького, пятиногого и беспомощного, и хотя многие заводчики и овчары были казнены, возродить тучную породу так и не удалось), самым разумным решением было запретить любые виды и формы «кровосмесительного спаривания». Судья Болд и его сторонники с этим не согласились, усмотрев в «сознательном запрете возможного блага во избежание предполагаемого зла» покушение на одно из неотъемлемых прав человека, а именно, на право наслаждаться свободой собственной эволюции — свободой, которая никакому иному живому существу на планете не ведома. К несчастью, после слухов о беде, постигшей волжские стада и их пастухов, в самый разгар полемики в С.Ш.А. начали печататься намного более детальные *fait divers*. Некто Иван Иванов, американец из Юконска, кратко охарактеризованный, как «привычно пьяный поденщик» («чудное определение, — вскользь заметила Ада, — достойное истинного художника»), каким-то образом, во сне (что подтвердила вся его большая семья), обрюхатил свою пятилетнюю правнучку Марью Иванову, а затем, пять лет спустя, в очередном припадке беспамятства, заделал ребеночка ее дочке Дарье. Фотографии Марьи, десятилетней бабули, с маленькой Дарьей и ползающей у их ног Варенькой, облетели все газеты, и немало удивительных парадоксов проистекло из этого генеалогического фарса, затронувшего взаимоотношения многочисленных представителей клана Ивановых, живущих — не всегда добропорядочно — в возмущенном Юконске. Дабы плодovitый шестидесятилетний лунатик не продолжил с тем же рвением пополнять свой род, его, как предписано древним русским законом, сослали на пятнадцать лет в монастырь. Вернувшись, он поспешил загладить свою вину женитьбой на Дарье, к тому времени ставшей дебелой бабой, которой хватало иных забот. Тут уж репортеры расстарались, освещая небывалую свадьбу, а благодетели и доброты отовсюду начали осыпать молодых подарками (старушки из Новой Англии, передовой поэт из Вальс-колледжа Теннесси, учителя и ученики одной мексиканской школы, всем скопом, и т.д.), однако в тот же день Гамалиил (тогда еще крепкий молодой сенатор) с такой силой

хрястнул по столу своего кабинета, что повредил кулак. Он потребовал пересмотра решения и смертной казни. То был, разумеется, лишь чрезмерно эмоциональный жест, и всё же «дело Иванова» отбросило длинную тень на скромный вопрос «благотворного кровосмешения». К середине столетия не только двоюродным, но и дядьям и внучатым племянницам запрещалось вступать в браки. В некоторых особенно обильных волостях Эстотии, где в избах, случается, с дюжину членов одной крестьянской семьи, обоих полов и самых разных возрастов, вповалку спят на тонком, как *блинь*, тюфяке, запретили на ночь занавешивать окна, дабы дозорным с керосиновыми фонарями (анти-ирландские бульварные газеты прозвали их «Неусыпными Патриками») сподручнее было нести их службу.

Так же громко Ван смеялся и когда разыскал для энтомологички Ады следующий пассаж из вполне уважаемой «Истории копулятивных обычаев»: «Некоторые опасности и нелепости, сопровождающие миссионерскую позицию, которая повсеместно принята для целей продолжения рода нашей пуританской интеллигенцией и которая справедливо высмеивается “примитивными”, но на редкость здоровыми телом и духом туземцами островов Бегоури, отмечены известным французским востоковедом (следует обширная сноска, здесь опускаемая), описавшим брачные привычки гнуса *Seromyia amorata* Roupart. Совокупление происходит, когда брюшные полости самца и самки прижаты друг к другу, а ротовые отверстия соприкасаются. После заключительного содрогания (*frisson*) мушиного коитуса самка через ротовое отверстие высасывает содержимое тела охваченного страстью самца. Можно предположить (см. Пессон et. al.) (еще одна пространная сноска), что всякие лакомства, как, например, сочная лапка жука, завернутая в паутину, или даже обычный пустячок (легкомысленный тупик или утонченное начало эволюционного процесса — *qui le sait!*), к примеру, аккуратно обернутый и перевязанный листовидным отростком красного папоротника цветочный лепесток, который некоторые мушиные самцы (но, очевидно, не кретины, принадлежащие к виду *femorata* и *amorata*) подносят самке перед совокуплением, предохраняют их от неуместной прозорливости юной леди».

Однако еще более забавным оказалось «сообщение» некой канадской социальной работницы Mme de Réan-Fichini, опубликовавшей на капусканском наречии трактат «О противозачаточных средствах» (ее выбор языка объяснялся тем, что она не хотела смущать эстотианцев и американцев, желая в то же время просветить своих более закаленных коллег). «*Sole sura metoda*, — писала она, — *por decevor*

natura, est por un strong-guy de contino-contino-contino jusque le plesir brimz; et lors, a lultima instanta, svitchera a l'altra gropa (желобок); ma perquoui una femme ardora andor ponderosa ne se retorna kvik enof, la transita e facilitata per positio torovago». (Единственный надежный способ обмануть природу, это крепкому молодцу продолжать-продолжать-продолжать, покуда блаженство вот-вот не хлынет через край, и тогда в последний миг переключиться на другой желобок: так как женщина от страсти и/или неуклюжести не может повернуться достаточно быстро, то переход лучше делать в позе тороваго.) Заключительный темный термин в прилагаемом глоссарии объяснялся на грубоватом английском так: «позитура, повсеместно применяемая в глубинке на всем протяжении Соединенных Америк, от Патагонии до Гаспе, всей тамошней сволочью, начиная с сельской аристократии и кончая последней крестьянской скотиной».

«Ergo, — заключил Ван, — гори наш миссионер синим пламенем».

«Твоя вульгарность беспредельна», сказала Ада.

«Что ж, предпочитаю сгореть, чем быть заживо высосанным, как устрица, этой твоей Шерами или как ты там ее кличешь, и чтобы моя вдова отложила на моих останках горку крошечных зеленых яичек!»

Парадоксальным образом в «ученой» (scient) Аде наглядные пособия с гравюрами различных органов, картинками угрюмых средневековых борделей и фотографиями того или иного маленького Кесаря, выдираемого из утробы мясниками в передниках (в прошлом) и эскулапами в масках (ныне), вызывали лишь смертную скуку. Вана же, не терпевшего «естествознания» и яростно отказывавшего физической боли в самом праве на существование в любом из миров, бесконечно привлекали изображения и описания растерзанной человеческой плоти. В остальном, в отношении более приятных предметов, их вкусы и искусы были почти идентичны. Им нравились Рабле и Казанова, они терпеть не могли сира Сада и герра Мазоха вместе с Генрихом Мюллером. Английская и французская фривольная поэзия, порой остроумная и познавательная, в конечном счете вызвала у них непреодолимое отвращение, а присущая ей склонность (особенно во Франции перед вторжением) описывать шалости монахов с монашками представлялась им столь же непостижимой, сколько и удручающей.

Коллекция «Восточных эротических гравюр» дяди Дана оказалась вполне второсортной в художественном отношении и абсурдной в рассуждении человеческой пластики. Самая разудалая и дорогая гравюра изображала монголку с бессмысленным овальным лицом и безобразной, но сложной прической, которая отдавалась сразу

шестерым довольно упитанным и бесстрастным гимнастам в помещении, похожем на витрину: с ширмами, цветочными горшками, шелками, бумажными веерами и глиняной посудой. Трое мужчин, изогнувшись в одинаково неудобных и замысловатых позах, одновременно использовали три основные отверстия блудницы; двое пожилых клиентов обслуживались ею мануально, а шестому, карлику, оставалось довольствоваться ее деформированной стопой. Шестеро других сластолюбцев пристроились к задам ее непосредственных партнеров, а еще один удовлетворял свою похоть при помощи ее подмышки. Дядя Дан, терпеливо распутавший все эти конечности и жировые складки, прямо или косвенно связанные с совершенно невозмутимой дамой, каким-то образом сохранившей остатки одежды, написал карандашом цену гравюры и пометил ее как «Гейша с тринадцатью любовниками». Ван, впрочем, отыскал и пятнадцатый пупок, выведенный щедрым художником, но не получивший никакого анатомического продолжения.

Ардисовская библиотека предоставила свои высокие декорации для незабываемой сцены Горящего Амбара; она широко открыла свои остекленные двери; она сулила долгую идиллию библиомании; она могла бы стать главой одного из старых романов на одной из ее собственных полок; оттенок пародийности привнес в ее тему свойственную самой жизни комическую разрядку.

Вивиан Дамор-Блок
Примечания к «Аде»

17

Partie extérieure... — Внешняя мясистая часть, которая образует контуры рта... Два края простой раны... Орган, который лижет.

pascaltrezza — В этом каламбуре, сочетающем Паскаля со “scaltrezza” (*um.* острый ум) и “treza” (провансальское слово, означающее «стебли с прядями»), французское “pas” (что значит «не») отнимает “pensant” (мышление) у “roseau” (тростник) в его знаменитом высказывании «человек — это мыслящий тростник».

тургеневской Катей... — Имеется в виду инженеру в «Отцах и детях».

trouvaille — удачная находка.

Ада, любившая скрещивать орхидеи... — Здесь она скрещивает двух французских писателей, Бодлера и Шатобриана.

Mon enfant... — Мое дитя, сестра моя, подумай о величине большого дуба в Танье, подумай о горé, подумай о нежности...

recueilli — сосредоточенный, поглощенный.

18

puisqu'on... — раз уж мы заговорили об этом.

les messieurs hument — господа вдыхают.

et tout le reste — и всё остальное.

19

м-ль Стопчина — Представительница мадам де Сегюр (Ростопчиной), написавшей “*Les Malheurs de Sophie*”, номенклатурно замещенных на Антитерре “*Les Malheurs de Swann*” («Злоключениями Свана»).

au feu! — пожар!

flambait — в огне.

Auerm — Cendrillon (Золушка) во французском оригинале.

en croupe — сидящих за их спинами.

à reculons — задом.

загадка Нула раскрыта... — Знаменитая телеграмма, посланная исследователем Африки.

Ah, parlez pour vous. — Ах, говори за себя.

trempée — намокла.

20

Je l'ai vu... — Я видела ее в одной из корзин для бумаг в библиотеке.

Aussitôt après — сразу после этого.

Ménagez vos américanismes. — Не налегай на американизмы.

Leur chute... — Медлительно их паденье... следя за ними, различишь...

Лоуден — имя-портмоне, составленное из имен двух современных поэтов.

baguenaudier — французское название пузырярика древовидного.

Флоберг — В этой псевдоцитате имитируется стиль Флобера.

21

pour ne pas... — с тем, чтобы у нее не возникало всяких мыслей.

en lecture — [находится] у читателя.

cher, trop cher René — дорогой, драгоценный Рене (слова его сестры в повести Шатобриана «Рене»).

Хирон — целитель среди кентавров, отсылка к лучшему роману Апдайка.

эссеист лондонского еженедельника — Отсылка к колонке Алана Брайена в “*New Statesmen*”.

Höhensonne — ультрафиолетовая лампа.

démision éplorée — исполненное печали извещение.

les deux enfants... — посему двое детей могли предаваться любви без всяких опасений.

fait divers — газетные заметки.

qui le sait! — кто знает!

Генрих Мюллер — Автор «Поксуса» и проч.

Примечания переводчика¹⁶

17

Самый большой из <...> английских словарей <...> an orifice... — Определение из «Нового словаря Уэбстера» (Webster's New International Dictionary. Second Edition, 1934), однотомное издание которого 1957 г., как указал Б. Бойд (Adaonline. 102.01), имелось в библиотеке Набокова в Монтрё. См. сделанный Ф. Халсманом в 1968 г. снимок Набокова, сидящего перед этим раскрытым томом в своем кабинете в "Montreux Palace": *Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. Биография. СПб., 2010; фото ххi на вклейке.

Милльшій — Одна из стилистических особенностей романа и одна из (парадоксальных) трудностей его перевода на русский язык состоит в том, что многие слова и выражения в нем приводятся по-русски латиницей, сопровождаемые, как правило, переводом или пояснением в самом повествовании или в примечаниях Набокова. Последний указывает, что транслитерация во всех таких случаях основана на дореформенной орфографии, не поясняя как само собой разумеющееся, что герои, свободно владеющие русским языком, иной орфографии и не знают и что революционные нововведения в России, изменившие нормы правописания, не имеют к истории Антитерры никакого отношения. Транслитерация русских слов и выражений в «Аде», в отличие, например, от жаргонного «надсата» в «Заводном апельсине» (1962) Э. Бёрджесса, знакомит англоязычного читателя с их аутентичным звучанием, воспроизводящим родную речь автора книги. Такие места в романе не менее познавательны и для русского читателя, они позволяют ему отметить, к примеру, какого разбора язык у его героев, какова их манера изъясняться, в каких случаях они предпочитают переходить на русский (а в каких на французский), насколько изысканно или обыденно то или иное выражение (всё это характеризует, кроме прочего, русский словарь Набокова середины 1960-х гг.) и т.п. Однако в *перевод*е, подготовленном по действующим правилам русской орфографии, вкрапления старых русских форм производят на читателя впечатление, не предусмотренное художественной задачей автора, поскольку то правописание, которое автор «Семейной хроники»

¹⁶ Ссылки на комментарий Брайана Бойда к «Аде» (Adaonline) приводятся по электронному ресурсу: <http://www.ada.auckland.ac.nz> (дата обращения: 22 мая 2020).

Ван (Иван Дементьевич) Вин, воспитанник своего домашнего наставника А.А. Аксакова, усвоил в детские годы, для современного русского читателя является в лучшем случае архаичным. Возникающие на первой же странице Severniya Territorii (как Набоков транслитерировал Съверныя Территорию), а потом, к примеру, biryul'ki proshlago (бирюльки прошлого), pozharskiya kotletii (пожарскія котлеты), Estotskiya Vesti (Эстотскія Вѣсти), razskazhi zhe (расскази же), chto tam interesnago (что там интереснаго) и многие другие русские слова, названия, целые фразы и стихотворные строки оказываются искусственными препятствиями в потоке привычной кириллицы. Поэтому в нашем переводе мы воспроизводим все записанные латиницей русские слова и выражения кириллицей по нормам дореформенного правописания (кроме некоторых мест в прямой речи, избегая двусмысленности), следуя авторскому указанию и сохраняя не требующий перевода русский язык Набокова в неприкосновенности.

...*мосье Литтре, определял так...* — Эмиль Литтре (Littré, 1801–1881), французский философ, историк, лексикограф, составитель четырехтомного «Словаря Литтре» (Dictionnaire de la langue française par É. Littré, 1863–1873). Набоков приводит выдержки из словарной статьи к слову “lèvre” (губа) и этимологической справки к нему по современной редакции словаря, которой пользовался в Монтрё (Adaonline. 102.04-06). Набоков передавал французское “Monsieur” до 1960-х гг. как «м-сье» или «мсье» (например, в «Приглашении на казнь», 1936, в «Других берегах», 1954), позднее как «мосье» (в собственном русском переводе «Лолиты», 1967).

Толстый русский энциклопедический словарь <...> древней Ляски... — Подразумевается однотомный «Энциклопедический словарь Ф. Павленкова», действительно небольшого формата, впервые изданный в 1899 г. В нем даны следующие значения: «Губа — 1) в допетровской России судебный округ, в пределах котор. сосредоточивалась деятельность губного старосты; 2) морской залив; 3) *г. заячья* — раздвоение верхней губы, приращенное или вследствие болезни» (СПб., 1913. С. 610). Столь же иронично Набоков цитирует словарь Павленкова в «Стойких убеждениях» (1972) в примечании к своему английскому переводу эссе «О Ходасевиче»: «Между прочим, сухая короткая справка о Баратынском в энциклопедии Павленкова (Санкт-Петербург, 1913) кончается прелестной опечаткой: “Полн. собр. сочинений 1984”» (*Nabokov V. Strong Opinions. New York et al., 1990. P. 224*). Несмотря на то, что в романе позднее упоминается словарь Даля («Распря между недоумком Ожеговым (большой, синий, дурно переплетенный том, содержащий 52 872 слова) и маленьким, но воинственным Эдмундсоном в благоговейном переводе д-ра Гершчижев-

ского, малоречивость урезанных “прост.” и “бран.” при общей невиданной щедрости четырехтомного Даля (“Дорогая моя далия”, стонала Ада, отыскав у застенчивого, долгобородого этнографа отжившее жаргонное словечко) — всё это было бы нестерпимой докукой для Вана, кабы его, как человека ученого, не обожгло сделанное им открытие загадочного сродства “Скрабля” со спиритической планшеткой». — Ч. I, гл. 36), многочисленные значения слова «губа» из него не приводятся. Такая избирательность продиктована, по-видимому, стремлением акцентировать внимание читателя на северных мотивах этой главы, поддержанных, кроме добавленного к словарному определению Павленкова прилагательного «арктический», вымышленным названием государства Ляска (образованным от Аляски), упоминанием самоедов (название группы северных народов) и юконского вида комаров, досаждавших Пушкину (от Юкон — Yukon — территория на северо-западе Канады).

кипсек (от *англ.* keepsake — подарок на память) — название роскошных изданий гравюр, рисунков, преимущественно женских головок, иногда с текстом.

Уиклоу — графство и административный центр на востоке Ирландии в провинции Ленстер.

авеню Пятой Власти — оксюморон, совмещающий фешенебельную торговую улицу в центре Манхэттена в Нью-Йорке, символ высокого социального положения и роскоши, с понятием «пятой власти» (the Fifth Estate или the Fifth Power), возникшем в протестной американской среде в начале 1960-х гг. применительно к независимой, несистемной и маргинальной журналистике (в отличие от классической «четвертой власти») и политике левого толка.

...беловатые кружки <...> тургеневской Катей... — Хотя смуглая Катя Локтева, «девушка лет восемнадцати», в романе «Отцы и дети» (1862) наружностью мало напоминает белокожую Аду, последняя разделяет с ней несколько черт. В XVI главе «Отцов и детей» Катя описана следующим образом: «Всё в ней было еще молодо-зелено: и голос, и пушок на всем лице, и розовые руки с беловатыми кружками на ладонях, и чуть-чуть сжатые плечи... Она беспрестанно краснела и быстро переводила дух» (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 7. М., 1981. С. 77). Столь же легко краснеет и Ада, и ту же свойственную ей подростковую зажатость плеч отмечает Ван Вин, обсуждая ее сценическую карьеру: «он напомнил ей, как тот же постановщик, Г.А. Вронский, сказал

ей, что она достаточно хороша собой, чтобы однажды стать дублершей Леноры Коллин, которая в двадцать лет была такой же привлекательно-неуклюжей и также напрягала и поднимала плечи, когда пересекала комнату» (Ч. II, гл. 9).

Culex chateaubriandi *Brown* — этот вымышленный вид комара, в номенклатурном обозначении которого использовано имя французского писателя Франсуа Рене де Шатобриана (1768–1848) — важное звено в цепочке аллюзий на повесть Шатобриана «Рене» (1802), в которой Амели, сестра эмигранта Рене, сознается в своей преступной страсти к нему. Во французском языке «комар» и «кузен» (официальная степень родства Вана по отношению к Аде) — одно слово (*cousin*); эту линию поддерживает в романе игра со словами “insect” (насекомое) и “incest” (инцест), а также обращение Ады к Вану “*cher, trop cher René*” (Ч. I, гл. 21) — прямая цитата из письма Амели к брату (подробнее см.: *Cancogni Anna Paola. Nabokov and Chateaubriand // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 384–388*). В «Комментариях» к «Евгению Онегину» Набоков назвал «Рене» гениальным сочинением величайшего французского писателя своего времени, подробно изложил его содержание и обратил внимание на завуалированную в нем тему инцеста (*Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»*. СПб., 1998. С. 499–500). А. Аппель проследил в «Аде» ряд важных реминисценций из Шатобриана и пришел к выводу, что «Шатобриан и Байрон значат для “Ады” столько же, сколько По и Мериме для “Лолиты”» (*Appel A., Jr. “Ada” Described // Nabokov. Criticism, reminiscences, translations and tributes / Ed. Alfred Appel, Jr. & Charles Newman. London, 1971. P. 180*).

В интервью 1975 г., отвечая на вопрос о бабочках в «Аде», Набоков заметил, что «никто до него еще не описывал в романах выдуманных, но с точки зрения науки *возможных* бабочек» (*Nabokov V. Interview with Bernard Pivot for Apostrophes (1975) // Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and Letters to the Editor by Vladimir Nabokov / Ed. B. Boyd and A. Tolstoy. New York, 2019. P. 466*). Так и созданный им «шатобрианов комар» вполне правдоподобен с точки зрения систематики и напоминает реальный вид кулекса, классифицированный как “*Culex browni* Komp, 1936”, где *culex* (комар настоящий) — латинское название рода насекомых, а *browni* — латинизированное имя ученого, С.G. Brown’a, поймавшего его голотип. Энтомологу Набокову принадлежит честь открытия нескольких новых видов бабочек и первичных описаний их голотипов, благодаря чему его имя значится в их названиях и в международных классификаторах чешуекрылых. В 1955 г. он писал сестре Елене: «В Сов. Союзе имеется некто В.А. Набоков, написавший “Руководство по борьбе с малярийным

комаром” (1952). Как мило!» (*Набоков В.* Переписка с сестрой. Ann Arbor, 1985. С. 81).

Шатобриан (Шарль) — совмещены имена двух французских писателей и поэтов: Франсуа Рене де Шатобриана и Шарля Бодлера (1821–1867).

...«*Бостонский Энтомолог*» <...> 1840 года. — Отсылка к одному из самых авторитетных научных журналов по энтомологии, лондонскому “The Entomologist”, который начал выходить в 1840 г. и в котором в 1920 г. Набоков опубликовал свою первую энтомологическую работу “A Few Notes on Crimean Lepidoptera” («Несколько заметок о крымских чешуекрылых»).

Этот Шатобриан не приходился родственником <...> между Парижем и Танье... — Шатобриан родился в Сен-Мало, портовом городе на северо-западе Франции, регион Бретань. Бодлер родился в Париже. Топоним Танье (Tagne) не имеет, по-видимому, отношения к французской деревне Tagné, расположенной вблизи города Шоне, и, как предположил Б. Бойд, образован Набоковым от французского слова “montagne” — гора, на что намекает соседство этого слова с Tagne в нижеследующем стихотворении; разделенное на две части, “montagne”, таким образом, каламбурно прочитывается, как “mon Tagne” — «мой Танье» (Adaonline. 106.20).

Mon enfant... — Совмещены и переиначены два стихотворения: «Романс к Елене» (1806) Шатобриана, вошедший позднее в его новеллу «Приключения последнего Абенсерага» (1826), и «Приглашение к путешествию» (из сб. «Цветы зла», 1857) Бодлера. Третья секстина «Романса» начинается так: “Ma soeur, te souvient-il encore / Du château que baignait la Dore?” (эти строки, «Сестра, ты еще помнишь замок, / Который омывала Ладора?», повторяются в трехязычном стихотворении в Ч. I, гл. 22 романа); пятая, заключительная строфа — “Oh! qui me rendra mon Hélène, / Et ma montagne, et le grand chène!” Стихи Бодлера также обращены к сестре: “Mon enfant, ma soeur, / Songe à la douceur...” («Дитя мое, сестра моя, / Подумай о сладости...»). В примечании к Ч. I, гл. 22 романа Набоков указал, что строки “Oh! qui me rendra mon Hélène, / Et ma montagne, et le grand chène!” — один из лейтмотивов «Ады».

...*Адиной и Арделиной...* — Помимо игры с полным именем Ады — Аделаида, редкое имя связывается с упомянутой в предыдущей главе ардиллой (*исп.* белка), с Адель из стихотворения в Ч. I, гл. 22 и с *лат.* ardens — пылкий, страстный (Adaonline. 98–12; *Бойд Б.* «Ада» Набокова. Место сознания. СПб., 2012. С. 174).

...*Люсильной* <...> *крови*. — В.Е. Набокова указала, что Ладора, название протекающей в Ардесе реки, а также большой дуб и холм (“*ma montagne*”) заимствованы из «Романса» Шатобриана, «большого любимца В.Н.», и что упоминание здесь Люсиль (как варианта имени Люсетта) также обращено к французскому писателю, поскольку «таково было настоящее имя его сестры, в которую он был влюблен» (*Nabokov Vera*. [A Letter to the Editor] / New items and work in progress // The Vladimir Nabokov Research Newsletter / Ed. S.J. Parker. 1984. № 12. P. 12–13).

«*Сладко!*» — *восклизал бывало Пушкин...* — В мае 1828 г. влюбленный в Анну Оленину Пушкин посетил ее в усадьбе Приютино под Петербургом. 21 мая того же года П.А. Вяземский писал жене: «Ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню в Приютино, верст за 17. Там нашли мы и Пушкина с своими любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес. Но зато комары делают из этого места сущий ад. Я никогда не видал подобного множества. Нельзя ни на минуту не махать руками, поневоле пляшешь комаринскую. Я никак не мог бы прожить тут и день один. На другой я верно сошел бы с ума и проломил себе голову об стену. Mickiewicz говорил, que c'est une journée sanglante [что это кровавый день]. Пушкин был весь в прыщах и, осаждаемый комарами, нежно восклицал: сладко» (*Цявловская Т.Г.* Дневник А.А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. Т.П. М.—Л., 1958. С. 254). С этим отрывком из письма Вяземского, впервые опубликованным в 1929 г. М.С. Боровковой-Майковой, Набоков мог познакомиться по первому тому книги В.В. Вересаева «Пушкин в жизни», пятым изданием которой (1932) он пользовался, комментируя «Евгения Онегина» (см.: *Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 374).

Описания летних вечеров в Ардесе напоминают начало «Семейной хроники» Аксакова, в которой летнему нашествию комаров отведено много места. Ср.: «Смешно сказать и грех утаить, что я люблю дишкантовый писк и даже кусанье комаров: в них слышно мне знойное лето, роскошные бессонные ночи, берега Бугуруслана, обросшие зелеными кустами, из которых со всех сторон неслись соловьиные песни; я помню замирание молодого сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдал бы теперь весь остаток угасающей жизни» (*Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 91–92).

диштерист — специалист по двукрылым насекомым, к которым относится и комар.

18

in copula — во время копуляции (лат.).

Винтергрин (Wintergreen) — еще одно ботаническое имя среди нескольких других в романе: таково английское название распространенных в Северной Америке вечнозеленых растений семейства вересковых; в русском языке — грушанка или гаультерия.

Дронго — неудачник, дурак (австрал.). Этот термин, вошедший в широкое употребление в начале 1940-х гг., происходит от клички скакового жеребца, который в 1920-х гг. участвовал во множестве австралийских дерби, но, несмотря на хорошие результаты, ни разу не пришел первым. Дронго как имя нарицательное приобрело юмористическую окраску благодаря газетным репортерам, обратившим внимание на то, что незадачливый скакун получил имя по названию распространенной в Австралии птицы, известной своим задиристым характером (*Wannan B. The Australian: Yarns, Ballads, Legends, Traditions of the Australian People. Melbourne, 1958. P. 137*). Как и в других подобных случаях в романе, к поиску верного значения того или иного термина направляет скрытая подсказка, в данном случае — упомянутая следом Адой иллюстрация с изображением символа Австралии кенгуру.

...только во французских любовных романах *les messieurs hument запах молодых особ.* — Отсылка к любовным ухищрениям Шарля Свана во второй части романа М. Пруста «В сторону Свана» (1913): Сван впервые ласкает Одетту в экипаже под предлогом вдохнуть запах орхидей, приколотых к эгретке в ее волосах. В университетской лекции о Прусте Набоков назвал эту сцену «знаменитой, но не слишком убедительной» (*Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 310*).

19

...“*Les Sophismes de Sophie*” м-ль Стопчиной в серии “*Bibliothèque Vieux Rose*”... — «Софизмы Софи» обыгрывают название автобиографической повести популярной детской писательницы графини Софии де Сегюр (урожд. Ростопчиной, 1799–1874) «Злоключения Софи» (1858), известной в русском переводе (1869) А.А. Разимова как «Сонины проказы». Обыграно и название иллюстрированной книжной серии “*Bibliothèque Rose*” («Розовая библиотека»), основанной в 1856 г. издательством “*Nachette*” (на которое намекает упомянутая следом «Ашетт» — Золушка) и выпускавшей книги мадам (а не мадемуазель, как в мире Антитерры) де Сегюр. Сочетание “*vieux rose*” означает «темно-розовый» (обложки книг этой серии были темно-розового цвета), однако прилагательное “*vieux*” само по

себе означает «старый»; Набоков тем самым подчеркивает, что речь идет о старой книжной серии, которая в 1959 г. была переименована в «Новую розовую библиотеку» (“La Nouvelle Bibliothèque Rose”). В «Других берегах» (1954) он вспоминал: «Мне лет восемь. Василий Иванович поднимает с кушетки в нашей классной книжку из серии “Bibliothèque Rose”. Вдруг, блаженно застонав, он находит в ней любимое им в детстве место: “Sophie n’était pas jolie...” [Софи не была хорошенькой]; и через сорок лет я совершенно так же застонал, когда в чужой детской случайно набрел на ту же книжку о мальчиках и девочках, которые сто лет тому назад жили во Франции тою стилизованной *vie de château* [замковой жизнью], на которую Mme de Ségur, née Rostopchine добросовестно перекладывала свое детство в России, — почему и налаживалась, несмотря на вульгарную сентиментальность всех этих “Les Malheurs de Sophie” <...> тонкая связь с русским усадебным бытом» (*Набоков В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 5. С. 187).

...предшествовал ли Горящий Амбар Чердаку или Чердак следовал первым? Ах, первый! — Намеренно путанная фразировка, не дающая прямого ответа на вопрос, происходила ли сцена на чердаке, описанная в первой главе первой части романа, раньше сцены в библиотеке во время пожара или наоборот.

Они все уехали <...> как бормочет старик Фирс в конце «Вишневого сада» (Марина была сноской 2-жой Раневской). — В финале комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» (1904), после общего отъезда из дома Любви Раневской, старый слуга Фирс, оставшись один, произносит слова: «Заперто. Уехали... (*Садится на диван.*) Про меня забыли... Ничего... я тут посижу... <...> (*Бормочет что-то, чего понять нельзя.*)» (*Чехов А.П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 13. М., 1978. С. 253–254).

В «Аде» немало аллюзий и прямых указаний на пьесы Чехова «Чайка», «Три сестры» (которые в романе превращены в «Четыре сестры») и «Дядя Ваня». Мать Ады, посредственная актриса Марина Дурманова, упоминает В.И. Качалова и К.С. Станиславского, рассказывая о своих репетициях в юконском театре «Чайка» (Ч. I, гл. 37).

роброй — изобретенная шотландским путешественником Джоном Мак-Грегором (1825–1892) разновидность легкого каноэ, названная им в честь своего однофамильца, национального героя Шотландии Роберта Роя (Роб Роя) Мак-Грегора. Термин употребляется в гл. XIV романа Набокова «Подвиг» (1932).

...«Тартюф» происходит от английского “tart”... — В комедии Мольера «Тартюф, или Обманщик» (1664) выдающий себя за праведника Тартюф (Tartuffe) оказывается распутником и негодяем.

parties très charnues — очень мясистые части.

люмбус — поясница.

...в георгианском романе... — По-видимому, имеется в виду направление “Regency novel”, к которому принадлежат классические английские романы периода Регентства (1811–1820), когда из-за недееспособности Георга III Великобританией правил его сын, принц-регент, будущий король Георг IV. К этому периоду английской литературы относятся романы Джейн Остин и Вальтера Скотта. В более широком историографическом значении «Георгианская эпоха» охватывает период с 1714 по 1830 г. Нельзя, однако, сказать, что подразумевается под «георгианским» периодом на Антитерре, история, как и география которой во многом не совпадают с земными.

elettricità — электричество (*um.*). После «Эль-катастрофы», вызванной, по-видимому, открытием истинной природы электричества и значительно изменившей цивилизацию Антитерры, электричество и даже само его упоминание, как и связанных с ним терминов, оказалось под строгим запретом. Как заметил С. Блэквелл: «Вместо того чтобы просто создать “научно-фантастический роман”, основанный на воображаемых следствиях новейших открытий <...> Набоков рассматривает законы физики под иным углом, как подчиненные разуму — преобразованные и воплощенные в актах эстетического созидания, подобно тому, как электромагнитные волны образуют мир света, цвета и эстетики живописи» (*Blackwell S.H. The Quill and the Scalpel. Nabokov's Art and the Worlds of Science. Columbus, 2009. P. 157*).

...загадка Нила раскрыта, точка, Спик. — Знаменитая концовка телеграммы, посланной английским путешественником и исследователем Африки Джоном Хеннингом Спиком (1827–1864) из Хартума в Лондон 27 марта 1863 г. с сообщением о совершенном им открытии истоков Нила.

...в том положении, в каком кормилица советовала Джульетте принять своего Ромео. — В третьей сцене первого акта трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта» Кормилица в разговоре с синьорой Капулетти и Джульеттой (которой «нет еще четырнадцати лет») вспоминает грубую шутку своего мужа, в которой, однако, нельзя усмотреть прямой совет Джульетте

принять своего возлюбленного в миссионерской позе: «В тот день она себе разбила лобик, / А муж мой (упокой его господь — / Вот весельчак-то был!) малютку поднял. / “Что, — говорит, — упала ты на лобик? / А подрастешь — на спинку будешь падать. / Не правда ли, малюточка?” И что же! / Клянусь мадонной, сразу перестала / Плутовка плакать и сказала: “Да”. <...> Ох, только б до твоей дожить мне свадьбы — / Так больше ничего я не хочу!» (перевод Т. Щепкиной-Куперник).

...дефинитивной редакции 1967 года. — В четвертой главе последней, пятой части романа сообщается, что секретарша и машинистка Вана Вина отпечатали окончательную версию его «Семейной хроники» в 1967 г., ко дню его девяностосемилетия.

Каннабиновая сигарета — игра с латинским названием коноплянки, певчей птицы из семейства вьюрковых (*Linaria cannabina*), и коноплей (лат. *Cannabis*), из которой получают наркотическое средство, известное под названием марихуана.

20

Замбия — До обретения независимости в 1964 г. официальным названием этой британской колонии в Южной Африке было Северная Родезия; следовательно, с точки зрения земной истории, упоминание Замбии в 1884 г. (время действия этой главы романа) является анахронизмом. В романе рассказывается о путешествиях Даниэля Вина в Экваториальную Африку и «дебри Мозамбика», а юный Ван Вин мечтал о поездке на «Африканском Экспрессе» через «Нигеро, Родозию <sic!> или Эфиопию».

Балтикоморск — контаминация двух топонимов: американского Балтимора с самым западным городом России Балтийском (до 1946 г. — Пиллау), а также с пелагонимом Балтийское море и названием итальянского озера Комо.

...не притрагивалась к еде до полудня <...> «мидинеткой» (такая секта, а не галантерея)... — Обьгрывается этимология слова «мидинетка» (молодая парижская швея, модистка), образованного от соединения двух французских слов: *midí* (полдень) и *dínette* (легкий обед). Модистки заполняли магазины и кафе Парижа к полудню.

...на самой заре развития романа, еще находившегося в руках дочек викариев... — Намек на Джейн Остин, которая была дочерью приходского священника.

...Франсуа Коппе <...> Спадают листья в грязь. <...> парафрастический прием с полетом и лесорубом... — Популярный в пору Третьей Республики французский поэт (1842–1908), представитель парнасской школы, чьи стихи со временем стали предметом пародий и насмешек. Выбор м-ль Ларивьер не случаен: ей могла быть близка не только сентиментальность и слащавость Коппе, но и присущая ее собственным сочинениям озабоченность социально значимыми вопросами, а также его антисемитизм (к концу жизни Коппе стал ревностным католиком, занялся журналистикой и деятельно поддерживал сторону обвинения в деле Дрейфуса). Описывая в «Других берегах» свою французскую гувернантку Сесиль Миотон, отдельными чертами которой он наделил гувернантку Ады и Люсетты мадемуазель Ларивьер, Набоков с сожалением отмечал невзыскательность ее литературного вкуса: «Между тем сам по себе ее французский язык был так обаятелен! Неужто нельзя было забыть поверхностность ее образования, плоскость суждений, озлобленность нрава, когда эта жемчужная речь журчала и переливалась, столь же лишенная истинной мысли и поэзии, как стишки ее любимцев Ламартина и Коппе! Настоящей французской литературе я приобщился не через нее, а через рано открытые мною книги в отцовской библиотеке <...>» (*Набоков В.* Собр. соч. русского периода. Т. 5. С. 215–216). Ада перевела на английский язык второе четверостишие из стихотворения Коппе “*Matin d’Octobre*” («Октябрьское утро»), опубликованное в сборнике “*Le Cahier Rouge*” (1874):

Leur chute est lente. On peut les suivre
 Du regard en reconnaissant
 Le chêne à sa feuille de cuivre
 L’érable à sa feuille de sang
 (Poésies de François Coppée. 1869–1874. Paris, 1875. P. 183).

Ради рифмы Ада вводит в свой выразительный перевод «дровосека» (woodchopper) и «грязь» (mud), вызвав критику Вана, поборника дословного перевода и противника рифмованных парафрастических переложений:

Their fall is gentle. The woodchopper
 Can tell, before they reach the mud,
 The oak tree by its leaf of copper,
 The maple by its leaf of blood.

В отличие от нарисованной Коппе картины идиллического листопада, английская версия Ады создает несколько иное настроение: деревья осыпают листву в грязь, и, возможно, под ударами топора. Герои вспоминают эти строки

Коппе четыре года спустя (Ч. I, гл. 38), и Ван цитирует иной вариант Адиной версии (если не собственную), избавленный от «дровосека» и «грязи»:

Their fall is gentle. The leavesdropper
Can follow each of them and know
The oak tree by its leaf of copper,
The maple by its blood-red glow.

В этой версии возникает неологизм «leavesdropper» (соединение “leaves” — листья — с “drop” — ронять), образованный от «eavesdropper» — соглядатай; он отсылает читателя к главам 15–16 первой части романа, к осыпающей листья шаттальской яблоне и первой случайной ласке Вана и Ады, за которыми наблюдает белка, “daintily leavesdropping” (изящно роняя листву).

В гарвардском архиве Набокова отложились страницы с недатированным черновиком нескольких фрагментов русского перевода «Ады», сделанных Верой Набоковой. Переписав на отдельную страницу французский оригинал четверостишия, она сперва очень точно перевела его на русский:

Полет их тих, и взгляду ясно,
Как отличить узнавать их на лету –
Клен по листу кроваво-красному,
А дуб по медному листу.

Затем она перевела вольный английский вариант Ады, поставив для усиления эффекта вместо «дровосека» много более неуместную «миледи»:

Полет их тих, глядит миледи
И отличает на лету
Дуб по листу из тусклой меди,
Клен по кровавому листу.

И продолжила так: «Эта “миледи” прямо из Лоудена (—), а жертвовать первой половиной строфы ради спасения второй, это всё равно что бросить кучера на съедение волкам, как будто бы сделал какой-то некий русский сановник аристократ джентльмен, после чего сам немедленно выпал из саней» (Harvard University. Houghton Library / Vladimir Nabokov papers. Box 12, folder 207 b).

...*достоин Лоудена (незначительный поэт и переводчик, 1815–1895).* — В этой лигатуре зашифрованы имена двух поэтов и переводчиков, подверг-

шихся набоковской критике в связи с его концепцией точного перевода стихов. Один из них — Роберт Лоуэлл (Lowell, 1917–1977), чьи дурные переводы из О.Э. Мандельштама Набоков разнес в статье “On Adaptation” (1969); другой — знаменитый англо-американский поэт Уистен Хью Оден (Auden, 1907–1973), переведивший современных русских поэтов. В предисловии к переводу нескольких стихотворений А.А. Вознесенского Оден признался, что не владеет русским, никогда не был в России, но «уверен, что мистер Вознесенский хороший поэт, потому что его стихи, даже в английском переводе, о многом говорят мне» (*Auden W.H. [Foreword] / The Poetry of Andrei Voznesensky // The New York Review of Books. 1966. Vol. VI. № 6. 14 April. P. 4*). В интервью Дж. Моссмену, данном в 1969 г., на вопрос: «В “Аде” вы, как мне кажется, пародируете поэта У.Х. Одена. Почему вы такого невысокого мнения о нем?» Набоков ответил: «Нигде в “Аде” я не пародирую Одена. Я плохо знаком с его стихами для этого. Но я отлично знаю несколько его переводов — и осуждаю грубые ошибки, которые он столь легкомысленно позволил себе допустить. Роберт Лоуэлл, конечно, намного более опасный преступник» (*Nabokov V. Strong Opinions. New York et al., 1990. P. 151*).

16 июня 1967 г. Набоков записал в дневник следующее четверостишие:

Поэтов моей бедной родины
мерзостно переустроили
пошлые Одены
и похабные Лоэли

(The New York Public Library. W. Henry & A. Albert Berg Collection of English and American Literature. Vladimir Nabokov papers / Manuscript box / Diaries, 1943–1973).

Год смерти «Лоудена» совпадает с годом рождения американского критика и писателя Эдмунда (Банни) Уилсона (Wilson, ум. 1972), близкого друга Набокова в 1940–1950-х гг. Отношения с «дорогим Банни» окончательно расстроились в 1965 г., после его резких и невежественных нападок на подготовленный Набоковым английский перевод «Евгения Онегина». В мае 1966 г. Р. Лоуэлл выступил на стороне Уилсона, заметив, что «И здравый смысл, и интуиция говорят нам, что Эдмунд Уилсон на девяносто процентов неопровержим и прав в своей критике» (*Lowell R. Nabokov's Onegin // Encounter. 1966 (May). P. 91*). Набоков там же поместил свой ответ: «Интуитивные (но едва ли здравомыслящие) арифметические подсчеты г-на Лоуэлла не волнуют меня по той причине, что он не владеет языком Пушкина и не обладает необходимыми знаниями, позволяющими разобраться в специфических трудностях перевода, которые обсуждаются в моей статье.

Хотелось бы, однако (используя его оборот), чтобы он прекратил калечить беззащитных мертвых поэтов — Мандельштама, Рембо и других» (Ibid.).

...*бросить возницу на съедение волкам <...> выпал из саней.* — Набоков, по-видимому, выдумал эту анекдотическую историю, восходящую к известной с середины XIX в. по французскому источнику легенде о русской женщине, которая, спасаясь от стаи волков, пожертвовала тремя своими детьми, выбрасывая их одного за другим из саней (Adaonline. 128.01–02). Существовала, впрочем, версия (лишенная, однако, назидательности набоковского варианта), в которой пассажир обходился таким образом с самим кучером. В нескольких номерах английского юмористического журнала «Панч» печатались анонимные дневники «Моей поездки в Хиву» — пародия на популярный жанр английской дорожной прозы, рассказывающей о приключениях в экзотических странах. В одном из эпизодов этого «Дневника» англичанин, выехавший на санях из Петербурга, проезжает по заснеженной равнине, преследуемый волками. Он вспоминает «старую историю о русских отце и матери, которые бросили волкам своих детей». Решив последовать их примеру, он собирается начать с мальчика-слуги, но мальчик предлагает начать сразу с кучера. Бросив кучера волкам, путешественник благополучно добирается до города, размышляя о превратностях судьбы: «Бедняга! Я должен был заплатить ему в Хиве <...> но он нарушил наш уговор, ведь его съели волки, а значит, теперь мне платит некому» (Diary of My Ride to Khiva // Punch, or The London Charivari. 1877. June 2. P. 250; June 9. P. 263). Под несколько измененным названием вышло отдельное издание: *Burnand F.C. The Ride to Khiva. From "Punch". London, 1877.*

...*как провинциал <...> из «Урсулы» Флоберга.* — Имя французского писателя Гюстава Флобера (Flaubert, 1821–1880) преобразовано во Floeberg, «бугристые массы торосистых льдин, напоминающие айсберги» («Словарь Уэбстера»), — возможно, ради сближения с другим любимцем Набокова, американским поэтом Робертом Фростом (Frost, 1874–1963) — *англ. frost* — мороз, иней. Ср. русификацию имени Фроста в романе Набокова «Взгляни на арлекинов!» (1974), в котором фигурирует писатель Борис Морозов с «яркими ледяными [frosty] глазами» (Набоков В. Взгляни на арлекинов! СПб., 2016. С. 86). Хотя в приведенной псевдоцитате, как указано в примечаниях Набокова, пародируется стиль Флобера, прежде всего его романа «Госпожа Бовари» (1857), название сочинения отсылает к роману Оноре де Бальзака «Урсула Мируэ» (1841, цикл «Этюдов о нравах»), посвященному сценам провинциальной жизни.

...«*Энциклопедию Фроды*» <...> *Благодеяние* <...> *подверглось дефлорации (Иеремия Тейлор).* — Название этой несуществующей энци-

клопедии намекает на Зигмунда Фрейда (Фройда в немецком произношении), чье имя не раз обыгрывается в романе, и на *англ.* fraud — мошенник, подделка. Пример употребления термина взят из «Словаря Уэбстера»: “He died innocent and before the sweetness of his soul was *deflowered* and ravished from him. *Jer. Taylor*” («Он умер невинным, до того, как благоденствие его души подверглось дефлорации и было отнято у него»). Иеремия Тейлор (1613–1667) — английский богослов и духовный писатель, признанный мастер изысканной прозы.

21

...*мисс Вертоград* <...> и *мосье Верже*... — Имена двух библиотекарей, холостяка Филиппа Верже (*Verger*) и старой девы мисс Вертоград, близки по значению: вертоград — сад, виноградник; *фр.* verger — фруктовый сад.

...в *Вановы годы* <...> *запретила ей читать* <...> *тургеневский «Дым»*. — Еще один пример отставания земной хронологии от антитеррористической: Марина Дурманова родилась в 1844 г., и, следовательно, ее «Вановы годы» (Вану в описываемое время 14 лет) пришлось на 1858 г., в то время как пятый роман Тургенева «Дым», в котором ее привлекла, по-видимому, история любовных отношений Литвинова со светской красавицей Ириной, был опубликован только в 1867 г. «Дым» упомянут здесь как вводный мотив, сопутствующий Марине (чья стихия в романе — огонь) и предвосхищающий ее решение быть кремированной после смерти.

...*кожной болезнью* <...> *была описана* <...> *знаменитым американским писателем в романе «Хирон»*... — Подразумевается роман Джона Апдайка (1932–2009) «Кентавр» (1963), в котором сын главного героя Питер болен псориазом. От этой болезни страдал и Набоков, хуже всего в 1937 г., когда он писал жене из Парижа в Берлин: «Продолжаю ужасно страдать от псориаза: он достиг размеров еще не виданных, а особенно неприятно, что и лицо пегое. Но самое страшное — зуд. Дико мечтаю о покое, мази, солнце» (*Набоков В. Письма к Вере / Комментар. О. Ворониной и Б. Бойда. М., 2018. С. 287*).

...*les deux enfants*... — Псевдоцитата.

“*Les muses s’amusent*” — «Музы забавляются», вымышленное название.

...*Иван Иванов, американец из Юконска*... — Схожим образом топоним Уайтхорс (*англ.* «белый конь»), столица канадской территории Юкон, русифицирован в романе как Белоконск, расположенный на Антитерре в Западной Эстотии.

...передовой поэт из Вальс-колледжа Теннесси... — Отсылка к шлягеру “Tennessee Waltz” (1948), вошедшему в 1965 г. в список официальных песен штата Теннесси (Adaonline. 134.33–34). Здесь можно усмотреть, кроме того, намек на концепцию педоцентризма (progressive education, в оригинале: “progressive poet <...> at Tennessee <sic!> Waltz College”), замещающей систематическое обучение и воспитание занятиями на основе непосредственно возникающих у детей желаний и интересов, а также на чуждого Набокову популярного американского драматурга, поэта и прозаика Теннесси Уильямса (наст. имя Томас Ланье Уильямс III, 1911–1983).

...островов Бегоури... — Вымышленные острова, названные по арабскому слову, означающему позицию в совокуплении, при которой мужчина находится за спиной у женщины. Как заметил Б. Бойд, Набоков мог почерпнуть этот термин из примечания Р. Бертона к английскому переводу средневекового трактата Нефзави «Благоухающий сад» (упомянутого в этой главе романа): «На вульгарном арабском этот способ улаживания женщины называется “бегоури”» (The Perfumed Garden of Sheikh Nefzaoui. London, 1886. P. 69).

Serromyia amorata Poupart — Как и в случае «шатобрианова комара», перед нами хорошо замаскированный под настоящий вымышленный таксон (реальный на Антитерре?), образованный от *Serromyia femorata* Meigen, 1804 — разновидности мокрецов (семейство Ceratopogonidae). Б. Бойд отметил, что Набоков использовал в названии насекомого имя французского анатома, хирурга и энтомолога Франсуа Пупарта (1661–1708), впервые описавшего паховую связку (Пупартова связка).

Mme de Réan-Fichini — мадам Фичини — мачеха Софи де Реан в трилогии Софьи де Сегур о девочке Софи (Сони в русском переводе).

...капусканском наречии <...> *Sole sura metoda*... — Макаронический пассаж, состоящий из искаженных английских, французских, итальянских слов и «собачьей латыни». К примеру, “por decevor” — искаженное французское “pour décevoir” («чтобы обмануть»), “ponderosa” — *лат.* тяжелые (*ит.* ponderoso — тяжеловесный); “kvik enof” — *англ.* quick enough — достаточно быстро (во французском переводе романа, подготовленном при ближайшем участии Набокова, вместо этого прозрачного английского выражения — латинско-итальянская смесь “satis presto”). Свой перевод «капусканского» отрывка на английский язык предложили Риверс и Волкер, отметившие, что последнее слово в нем образовано от испанского *toro* — бык (*Rivers J.E., Walker W. Nabokov’s Ada // The Explicator. 1978. Vol. 36 (Issue 2). P. 7–8*). Вместе с тем “torovago” созвучно русскому «то-

роватый» — не только «щедрый», но и «расторопный». Как было замечено исследователями, «Капусканское наречие», на котором написан трактат, и канадское происхождение его автора отсылают к названию города Капускейсин в северной части Онтарио.

Шерами — обыграно латинское название мокреца и *фр.* выражение *chère amie* — милая подруга.

...терпеть не могли сира Сада... — Французский писатель Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (маркиз де Сад, 1740–1814), автор порнографических романов, обращавшийся, кроме прочего, к теме инцеста. Ср. в послесловии Набокова к американскому изданию «Лолиты»: «Порнограф должен строго придерживаться старых испытанных правил, дабы окружить пациента надежной атмосферой удовлетворения <...> сексуальные сцены в книге непременно должны развиваться крещендо <...> в новых комбинациях, с новыми влагалищами и орудиями, и постоянно увеличивающимся числом участников (в известной пьесе Сада на последних вызывают из сада садовника), а потому конец книги должен быть наполнен эротическим бытом гуще, чем ее начало» (*Набоков В.* Лолита. New York, 1967. С. 291–292).

Генрих Мюллер — германизированная форма имени американского писателя немецкого происхождения Генри Миллера (1891–1980). В уничижительном примечании Набокова, назвавшего его «автором “Поксуса”», обыграны названия скандально известных романов Миллера, составивших его автобиографическую трилогию «Благостное распятие» (“The Rosy Crucifixion”): «Сексус», «Плексус» и «Нексус». Набоковское «Поксус», с одной стороны, иронично отвечает на любовные похождения героя Миллера английским “рох” — болезнь с высыпаниями на коже, сифилис; с другой стороны, обыгрывает христианский мотив в названии его трилогии: *англ.* выражение “hocus-rocus” (русское «фокус-покус») означает «мошеничество», и, как считается, происходит от искаженной сакраментальной формулы католической литургии “Hoc est corpus meum” («Сие есть тело мое»). После запретов и судебных разбирательств, трилогия Миллера была опубликована в США в 1965 г., незадолго до того, как Набоков приступил к систематической работе над «Адой».

Вивиан Дамор-Блок. — В оригинале Vivian Darkbloom (= Vladimir Nabokov) — анаграмма, использованная в «Лолите» (так зовут любовницу и соавтора Клэра Куильти); эквивалент взят из авторского перевода «Лолиты».

Андрей Бабиков

Литература

Бабииков А. Прочтение Набокова. Изыскания и материалы. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 816 с.

Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы. Биография / Пер. с англ. М. Бирдвуд-Хеджер и др. СПб.: Симпозиум, 2010. 950 с.

Бойд Б. «Ада» Набокова: место сознания / Пер. с англ. Г. Креймера. СПб.: Симпозиум, 2012. 480 с.

Набоков В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 5 / Сост. Н.А. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2000. 832 с.

Набоков В. Полное собрание рассказов / Сост., примеч. А. Бабиикова. СПб.: Азбука, 2016. 752 с.

Набоков В. Взгляни на арлекинов! / Пер. с англ., примеч. А. Бабиикова. СПб.: Азбука, 2016. 352 с.

Набоков В. Письма к Вере / Комментар. О. Ворониной и Б. Бойда. М.: Колибри, 2018. 704 с.

Appel A., Jr. “Ada” Described // Nabokov. Criticism, reminiscences, translations and tributes / Ed. Alfred Appel, Jr. & Charles Newman. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. P. 160–186.

Blackwell S.H. The Quill and the Scalpel. Nabokov’s Art and the Worlds of Science. Columbus: The Ohio State University Press, 2009. 276 p.

Boyd B. “Ada” // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 3–18.

Cancogni A. Nabokov and Chateaubriand // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 382–388.

Nabokov Véra [A Letter to the Editor] / New items and work in progress // The Vladimir Nabokov Research Newsletter / Ed. S.J. Parker. 1984. № 12. P. 3–15.

Nabokov V. Lectures on Literature / Ed. F. Bowers. New York & London: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. 385 p.

Nabokov V. Selected Letters. 1940–1977 / Ed. D. Nabokov and M.J. Bruccoli. San Diego et al.: Harcourt Brace Jovanovich, 1989. 582 p.

Nabokov V. Novels 1969–1974 / Ed. B. Boyd. New York: The Library of America, 1996. 825 p.

Rivers J.E., Walker W. Nabokov’s *Ada* // The Explicator. 1978. Vol. 36 (Issue 2). P. 7–8.

Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and Letters to the Editor by Vladimir Nabokov / Ed. B. Boyd and A. Tolstoy. New York: Alfred A. Knopf, 2019. 532 p.

References

Appel A., Jr. “Ada” Described. *Nabokov. Criticism, reminiscences, translations and tributes*, ed. Alfred Appel, Jr. & Charles Newman. London, Weidenfeld and Nicolson, 1971, pp. 160–186.

Babikov A. *Prochtenie Nabokova. Izyskania i materialy* [Perusing Nabokov. Studies and materials]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2019. 816 p. (In Russ.)

Blackwell S.H. *The Quill and the Scalpel. Nabokov's Art and the Worlds of Science*. Columbus, The Ohio State University Press, 2009. 276 p.

Boyd B. “Ada”. *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995, pp. 3–18.

Boyd B. “Ada” Nabokova: mesto soznania [Nabokov’s Ada: The place of consciousness], transl. G. Kreimer. St. Petersburg, Symposium Publ., 2012. 480 p. (In Russ.)

Boyd B. *Vladimir Nabokov. Amerikanskie gody. Biografiya* [Vladimir Nabokov. The American years. A biography]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2010. 950 p. (In Russ.)

Cancogni A. Nabokov and Chateaubriand. *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, ed. V.E. Alexandrov. New York & London, 1995, pp. 382–388.

Nabokov V. *Lectures on Literature*, ed. F. Bowers. New York & London, Harcourt Brace Jovanovich, 1982. 385 p.

Nabokov V. *Novels 1969–1974*, ed. B. Boyd. New York, The Library of America, 1996. 825 p.

Nabokov V. Pis'ma k Vere [Letters to Véra], comment. O. Voronina and B. Boyd. Moscow, Kolibri Publ., 2018. 704 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Polnoe sobranie rasskazov* [Collected stories], ed., comment. A. Babikov. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 752 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Selected Letters. 1940–1977*, ed. D. Nabokov and M.J. Bruccoli. San Diego et al., Harcourt Brace Jovanovich, 1989. 582 p.

Nabokov V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda: v 5 t. T. 5* [Collected Russian works: in 5 vols. Vol. 5], ed. N.I. Artemenko-Tolstoi. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000. 832 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Vzgliani na arlekinov!* [Look at the Harlequins!], transl., comment. A. Babikov. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 352 p. (In Russ.)

Nabokov Véra. [A Letter to the Editor] New items and work in progress. *The Vladimir Nabokov Research Newsletter*, ed. S.J. Parker, 1984, no. 12, pp. 12–13.

Rivers J.E., Walker W. Nabokov’s “Ada”. *The Explicator*, 1978, vol. 36 (issue 2), pp. 7–8.

Think, Write, Speak. Uncollected Essays, Reviews, Interviews and Letters to the Editor by Vladimir Nabokov, ed. B. Boyd and A. Tolstoy. New York, Alfred A. Knopf, 2019. 532 p.

Ada's Penmanship

To the publication of an excerpt from the Russian translation of Nabokov's novel

© 2020, Andrei Babikov

Abstract: The material offered to the readers is a translation into Russian, with extensive notes, of an excerpt from the First Part of Vladimir Nabokov's novel *Ada, or Ardor: A Family Chronicle* (1969). The published material consists of a translator's Preface, five chapters from the novel, notes by V.V. Nabokov and the translator's annotations. The Preface to the publication describes the creative and biographical circumstances of the creation of one of the most significant and controversial novels of the twentieth century, and indicates the sources of its conception, which goes back to the English short story of Nabokov *Time and Ebb* (1944), and considers its formal peculiarities. The Preface outlines the basic principles of *Ada's* poetics, which distinguish it from the number of other works of the outstanding master and innovator of prose and affect it's readers perception, such as: deliberate complexity of the narrative technique and an unprecedented variety of language tools used by Nabokov. The author of the Preface draws attention to the fact that the subtitle of the novel, indicating that it belongs to the genre of family chronicles, serves as one of the elements of Nabokov's game poetics, since the classical tradition becomes the subject of parody in *Ada*. The novel is considered by the author of the Preface and translator of *Ada* as a grand compendium of European literature of Modern period, as an experiment in combining many varieties of the novel, from pastoral and Enlightenment utopian fiction of the 16–17 centuries to the *Nouveau roman* of the 1950s and 1960s. The new Russian version of Nabokov's most untranslatable novel took into account detailed annotations (in progress) by B. Boyd, works by A. Appel, Jr., and other researches, observations by one of the German translators of *Ada*, D. Zimmer, and the text of the French translation of the novel, which was prepared under Nabokov's supervision. The Preface to the publication and the translator's annotations involve archival material, in particular the draft of several chapters of the Russian translation of *Ada*, prepared by Véra Nabokov.

Keywords: Vladimir Nabokov, creative biography, Russian translation of English works by Nabokov, *Ada's* conception, historical and literary commentary.

Information about the author: Andrei Babikov, Senior Researcher, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russia. E-mail: andreymbabikov1@gmail.com

Citation: Babikov Andrei. *Ada's Penmanship*. To the publication of an excerpt from the Russian translation of Nabokov's novel. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 8–67. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-8-67